

ДЖУЛИЯ ФОКС

ТЕНЬ
ЭЛЛАРИИ

18+

Джулия Фокс

Тень Элларии

Серия «Эллария», книга 2

<https://litres.ru/73462063>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эллария. Книга вторая. Приквел.

Это нежная, размеренная история, которая начинается как сказка. Но сказки - это обман.

Виолетта - принцесса лишь по титулу, бабочка в золотой клетке столичного дворца. Болезнь лёгких вынуждает её отправиться на юг, в тихий портовый Лиорен. Она мечтает о свободе и возможности просто дышать, не подозревая, что это лето навсегда изменит её судьбу.

Ноа - чужак, охотник на «дичь», о существовании которой обычные люди боятся даже говорить. Его мир - это руны, потоки энергии и амулеты. Он видит то, что скрыто от глаз: ауры, пятна грехов и... пугающую силу, исходящую от хрупкой девушки в окружении гвардии.

Пока столица гремит паровыми двигателями и готовится к большой войне, в тени Элларии пробуждаются тайны, готовые выйти на свет. Виолетте придётся научиться носить не только придворные маски, но и осознать: в мире, где души превращаются

в жемчужины, а любовь становится разменной монетой, за право остаться собой придётся заплатить кровью.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Виолетта	9
Глава 2. Виолетта	13
Глава 3. Ноа	21
Глава 4. Виолетта	28
Глава 5. Ноа	40
Глава 6. Виолетта	52
Глава 7. Ноа	61
Глава 8. Виолетта	78
Глава 9. Ноа	85
Глава 10. Виолетта	100
Глава 11. Ноа	114
Глава 12. Виолетта	124
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Тень Элларии

Пролог

Комментарий от автора: В соц. сетях делаю качественные визуализации, можно найти по хэштегу #теньэлларии и #непелэлларии на площадках, позволяющих заливать шортсы.

Приятного чтения!

В ту ночь, когда тьма пришла в деревню, один мальчик всё ещё верил, что герои существуют.

Дом стоял на самом краю, у леса. Сосны за забором казались чёрными великанами, а ветер был в их ветвях так, будто деревья о чём-то предупреждали. Внутри было тепло, на столе догорала свеча. Её свет дрожал, вытягивая длинные тени по стенам.

Лео сидел на полу у ног деда. Ему было семь, и он верил каждому слову старика. Дед медленно гладил его по светлым волосам костлявой, мозолистой рукой.

— Запомни, Лео, — голос деда был хриплым. — Раньше всё было иначе.

— Как иначе? — мальчик поднял голову.

— Люди не боялись заката. Дома не запирали на засовы, дети бегали по улице до глубокой ночи. Никто не сжимал в руках топор, слышав хруст ветки в лесу.

— А демоны? Их не было?

— Были. Но они прятались в тенях и не смели подходить близко. А потом земля содрогнулась. Появился Разлом.

Мальчик затаил дыхание. Это слово он уже слышал, но боялся его смысла.

— Земля просто лопнула, — продолжал старик. — И из этой щели полезла дрянь. Сначала думали — болезнь. Люди сходили с ума, бросались на соседей, вырывали куски мяса зубами... менялись.

— Одержимые? — Лео сжал кулаки.

— Да. Снаружи люди, внутри — дикие звери.

— Когда я вырасту, я буду их убивать! — Лео вскочил, глядя на деда серьёзными глазами. — Я всех их перебую.

Старик грустно усмехнулся.

— Надеюсь, тебе никогда не придётся брать в руки меч.

— Лео! — из кухни крикнула бабушка. — Хватит болтать. Спать! Живо!

Мальчик вздохнул, попрощался с дедом и поднялся на чердак. Он не знал, что эта ночь — последняя, когда он слышал их голоса.

Он проснулся от странного чувства. В комнате было холодно. И тогда он услышал Зов. Это не был крик или шёпот. Просто что-то внутри головы приказало ему: «Выйди».

Лео, как во сне, спустился по лестнице, открыл дверь и вышел в ночь. Лес стоял чёрной стеной. Ночной воздух обжигал горло. Мальчик шёл между деревьев, пока прямо пе-

ред ним не выросла тень.

Это был человек. Но его кожа была серой, покрытой сеткой вздувшихся чёрных вен. Глаза — просто два угольных провала без белков.

Одержимый.

Тварь прыгнула. Холодные, липкие пальцы вцепились в плечи Лео. Мальчик хотел закричать, но горло перехватило. Существо не стало его кусать или рвать на части. Оно просто впилося пальцами в его плоть на секунду, а потом исчезло в темноте.

Мальчик рухнул на землю. Он посмотрел на свои руки. Под кожей, прямо на глазах, начали расползаться чёрные пятна, похожие на капли туши в воде.

В панике он бросился домой.

— Бабушка! — он влетел в их спальню и схватил её за руку. — Проснись! Бабушка!

Она открыла глаза, увидела его почерневшие руки и побелела от ужаса.

— О боги... — выдохнула она.

И в тот же миг чёрные прожилки вскипели на её собственной шее. Она забилась в конвульсиях, её крик захлебнулся и превратился в утробное рычание. Глаза мгновенно затянуло чернотой. Она вскочила и с хрустом впилась в горло спящему деду. Кровь фонтаном ударила в стену, залила алыми каплями одеяло и всё вокруг.

Мальчик смотрел, как бабушка превращается в монстра и

рвёт своего мужа на части, чавкая и рыча.

А потом она повернула к нему окровавленное лицо.

Лео вылетел на улицу. Деревня тонула в криках. Всюду горели дома, люди бегали в панике, но те, кто падал, уже через секунду вскакивали и бросались на живых. Мальчик бежал через этот ад, мимо тел и оторванных конечностей, пока не скрылся в лесу.

Он забился в какую-то нору под корнями и долго выл от ужаса, пока не охрип. А потом земля содрогнулась. Раз. Ещё раз. Из деревни донёсся грохот, а потом наступила мёртвая тишина.

Когда взошло солнце, Лео вышел на край леса. Деревни больше не было. На её месте дымилась гигантская пустая воронка.

У края стояли двое: рыжеволосая девушка с мечом и мужчина в чёрной броне с маской-черепом вместо лица.

Мужчина посмотрел на мальчика. Тот стоял, шатаясь. Его кожа была покрыта уродливой чёрной сеткой.

— Он тоже одержим, — бесстрастно сказал мужчина.

Глава 1. Виолетта

— Ваше Высочество, вам уже пора! — воскликнула служанка с порога комнаты.

Её голос прозвучал слишком громко в тишине моих покоев, но я не обернулась к ней. Я спешила к подоконнику, сжимая в пальцах небольшую плоскую с сахарным сиропом. Солнечный свет мягко ложился на листья растений в горшках, заставляя их сиять, будто в комнате расцвёл кусочек сада.

Пару дней назад, прогуливаясь среди цветущих аллей, я нашла на тропинке бабочку со сломанным крылом. Она отчаянно перебирала лапками, словно всё ещё верила, что сможет подняться в небо.

Мне стало её так жаль, что в груди щемило.

Я принесла её в свои покои, поселила среди комнатных растений на подоконнике и каждый день кормила сиропом, надеясь продлить её крошечную жизнь. Хотя, казалось, жизнь коротка и у людей... Совсем скоро моё совершеннолетие, мне исполнится восемнадцать, а время пролетело очень быстро.

— Секунду... — прошептала я и наклонилась к окну, всматриваясь в зелень.

— Нет... — выдох сорвался с губ.

Бабочка лежала в одном из горшков. Неподвижная. Словно крохотный лепесток, сорвавшийся с ветки.

Я осторожно взяла её на ладонь.

Она была такой лёгкой, что казалась почти призраком самой себя. Жизни в ней больше не было.

— Принцесса, вас ждут, — напомнила служанка, уже тише.

Я сжала пальцы, пряча бабочку в ладони, будто могла защитить её даже теперь.

— Сейчас, — ответила я.

Я подошла к столику, отставила плошку и завернула крошечное тельце в тонкий носовой платок. И лишь потом направилась к выходу.

Мы шли по длинным коридорам дворца, где эхо шагов отражалось от мраморных стен, а портреты смотрели с высоты холодными взглядами. Я держала руки перед собой, словно несла что-то бесценное. И это было правдой.

Когда мы вышли в сад, свежий ветер коснулся моего лица, принося запах трав и цветов.

— Подожди меня здесь, — тихо сказала я служанке.

Она удивлённо посмотрела на меня, но кивнула.

Я свернула с главной аллеи и остановилась у куста белых роз — там, где солнце всегда светило особенно мягко. Опустилась на колени и осторожно развернула платок.

Голубые крылья были сложены, будто бабочка просто уснула.

— Прости, — прошептала я. — Я правда старалась...

Я уложила её в маленькую ямку и прикрыла землёй, а по-

том сорвала с куста один лепесток и положила сверху.

Маленький знак памяти.

Маленькая могила для крошечной жизни.

Я поднялась, стряхивая землю с платья. Сердце было тяжёлым, но странным образом спокойным. Уходя из сада, я не могла отделаться от мысли: даже бабочке нужен был кто-то, кто проводит её в последний путь...

— Виолетта, почему так долго?! — у экипажа меня встретил недовольный голос матери.

Я невольно сжала пальцы. И правда, я задержалась.

Мне нужно было попрощаться с подругами и служанками, накормить Тая — нашего старого сторожевого пса у конюшни. Ну и, конечно, проведать бабочку. Пусть я уезжала ненадолго, я не могла просто исчезнуть, ничего не оставив после себя.

— Прости, матушка... — тихо сказала я и, прежде чем сесть в карету, обернулась.

Дворец возвышался за моей спиной — величественный, холодный, почти сказочный. Высокие башни тянулись к небу, колоннады сияли на солнце, а идеально подстриженные кусты выстраивались вдоль дорожек, словно солдаты на параде.

Он был прекрасен. Но по-настоящему моим домом никогда не был. Ведь королевской крови во мне не было.

Моя мать, овдовев слишком рано, вышла замуж за правителя этого королевства. Как ей удалось завоевать его сердце,

имея на руках ребёнка, я до сих пор не понимала. Но с тех пор я носила титул принцессы.

Чужой титул.

Король не вышел нас провожать, как и его единственный сын от прошлого брака — Корнелиус. Впрочем, я и не ждала. Они в последнее время были скупы на внимание, и я научилась не принимать это близко к сердцу.

Я глубоко вдохнула, собираясь с мыслями перед дорогой, и тут же закашлялась.

Резко. Сухо. До боли в груди.

— Садись скорее! — сразу же сказала мать. — У моря тебе будет легче.

Я кивнула и осторожно забралась внутрь. Этой зимой я тяжело заболела. Так тяжело, что порой казалось — лёгкие вот-вот откажутся служить мне. С тех пор дыхание часто подводит меня, а кашель не проходит, сколько бы микстур я не пила.

Один из врачей сказал прямо: мне нужен морской воздух, тепло и отдых. И матушка, не раздумывая, собрала вещи и решила отвезти нас в свой родовой особняк в маленьком портовом городке на юге — Лиорене, где пахнет солью, ветром и свободой.

Я смотрела в окно, пока мы медленно выезжали с территории дворца, и почему-то чувствовала... Это лето изменит всё.

Глава 2. Виолетта

Мы прибыли в родовое поместье матери лишь через четверо суток. Кучер довез нас до берега Остелии — самой протяжённой реки Элларии, важной для торговли и транспорта. Остальной путь мы проделали на пароходе. Конечно, можно было поехать и на поезде, но матери показалось романтичнее провести время на воде, слушая плеск волн и крики чаек.

Я рассматривала города и поселения Элларии, мелькающие за окнами: дымящиеся трубы мельниц, причалы с судами, кареты, медленно везущие грузы, а иногда — маленькие деревушки, где по улицам всё ещё расставляли керосиновые фонари. Эллария была крупнейшим государством на континенте и одним из самых технологически развитых: здесь уже использовались паровые поезда и суда, а дворцы и богатые особняки освещались электричеством, хотя за пределами столицы и крупных городов оно пока встречалось редко.

Столица, Элларон, была шумной, многолюдной, полной торговых рядов, фонтанов и спешащих людей. Паровые трамваи и кареты пересекали улицы, а электрические лампы уже светили в витринах магазинов и в окнах дворцов. Я чувствовала, что слава и мощь столицы не дают передышки: её суэта никогда не прекращалась. Может, к лучшему что мы уезжаем на юг — тишина и свежий морской воздух помогут мне восстановиться.

— Боги, как я устала... — с выдохом я упала на большую мягкую постель в своей комнате.

Я бывала в этом особняке в детстве, но в последние годы мы перестали ездить с матерью на море, хотя мне это очень нравилось. В городе у меня когда-то были друзья, смех и игры, теперь же воспоминания казались далёкими.

Особняк, конечно, не сравнится с дворцом: здесь всего пять спален, конюшня и небольшой сад с выходом на пляж. Прислуги было немного, поэтому не было ни шума, ни лишних лиц.

Моя комната была небольшой, но вместительной: кровать, шкаф для вещей, туалетный столик, стеллаж с книгами и письменный стол. Полежав несколько минут, я поднялась, чтобы расчесать волосы, переодеться и лечь спать.

Подойдя к столу, я отвлеклась на аккуратно сложенную стопку бумаг.

— Ого, их никто не выбросил... — сказала я себе и присела за столик. Включив настольную лампу накаливания, я невольно взглянула в отражение. В мягком жёлтом свете моя бледная кожа казалась золотистой, голубые глаза — глубокими, а светлые волосы — медными. Я была точной копией покойного отца. Он родом с севера, где бледность считалась нормой, а в Эллароне я выглядела почти белой вороной. Не то чтобы это когда-либо меня беспокоило: я понимала, что выгляжу весьма симпатично — банально, как любая другая принцесса.

Я подобрала бумаги и начала перебирать их. Это были детские рисунки — мои и друзей. Мы обожали краски, устраивали соревнования, кто лучше нарисует, и даже пытались продавать свои работы горожанам.

Рисунки вызвали у меня печальную улыбку ностальгии. Детство казалось таким далёким, хотя матушка часто напоминает, что я всё ещё ребёнок — наивная и светлая.

Вскоре я отложила рисунки и подобрала расчёску. Расплела волосы, причесала и собрала в низкий хвост на затылке. На юге было жарко, и у меня мелькнула мысль о короткой стрижке. Сейчас волосы были длиной до лопаток, каждый день их придётся собирать... Но матушка, скорее всего, не позволит менять привычную причёску.

Из мыслей меня вырвал стук в дверь. Я обернулась — в комнату заглянула здешняя служанка. Женщина средних лет, работавшая в особняке всю жизнь, поддерживающая порядок и заботящаяся о гостях. Я знала её с юных лет и ласково звала Лу.

— Ваше Высочество, стол накрыт. Присоединяйтесь к ужину.

Я хотела было ответить, что не голодна и готовлюсь ко сну, но живот предательски заурчал.

— Да, конечно, спасибо, — тихо сказала я, откладывая расчёску и выключая лампу.

Коридоры особняка пахли деревом и морским воздухом, что проникал сквозь слегка приоткрытые окна. Половицы

под ногами скрипели мягко, а настенные лампы излучали тёплый свет. Я шагала медленно, будто стараясь задержать момент. Каждый угол дома хранил воспоминания детства: смех, лай собак у конюшни, запах хлеба и специй из кухни.

Столовая была удивительно уютной. Низкий потолок с тёмными деревянными балками создавал ощущение защищённости. По стенам стояли стеллажи с книгами и редкими сувенирами, привезёнными матушкой из поездок. На столе лежала льняная скатерть, аккуратно расставленная посуда и два стеклянных бокала с водой. Окно открывало вид на сад, где закат окрашивал цветы в золотой и розовый цвета. Всё вокруг дышало спокойствием и домашним теплом, контрастируя с шумной столицей и её паровыми улицами.

Я заняла место за столом. Трапеза была рассчитана на двоих — меня и матушку, что уже медленно ужинала, лениво листая книгу прямо за столом одной рукой.

Она выглядела сосредоточенной, будто каждая мысль была важна и ничто вокруг не могло её отвлечь. Шатенка с тёплым каштановым оттенком волос, которые были собраны в простой узел на затылке. Лёгкая чёлка падала на лоб, подчёркивая строгие аристократические черты лица. Глаза, тёмные и внимательные, не упускали ни одного движения — взгляд матери умел одновременно оценивать, контролировать и оберегать.

Её движения были спокойными, уверенными: она деликатно кусала хлеб и клала еду в свою тарелку, но в каждом

жесте читалась привычка к порядку и дисциплине. Казалось, что даже ленивое перелистывание страниц книги — не просто развлечение, а способ сосредоточиться и одновременно наблюдать за происходящим вокруг.

Даже сидя так тихо и почти неприметно, она излучала присутствие и силу.

— Наконец-то мы здесь, — сказала она, не отрываясь от страниц. — Но собиралась ты слишком долго.

— Прости, матушка, — тихо ответила я. — Я... хотела попрощаться с друзьями, прислугой и... заглянуть к бабочке.

— Бабочка? — подняв глаза, она посмотрела на меня холодно. — Ты уже достаточно взрослая, чтобы не терять время на такие пустяки.

— Да, конечно.

— И помни, — продолжила она, возвращаясь к книге, — сейчас главное — дисциплина и порядок. Здесь ты должна больше отдыхать и беречь себя.

Я опустила взгляд на тарелку. Матушкин голос был строг, но заботлив. Она умела держать всё под контролем, даже когда казалось, что слишком жёстко.

Я съела первый кусочек хлеба с маслом и мысленно вздохнула. Несмотря на серьёзность, атмосфера столовой была уютной: закатный свет, тихий шум ветра за окном и аромат свежей выпечки делали вечер тёплым. Здесь можно было передохнуть от столичной суеты и подумать о себе.

— Морской воздух поможет, но берегись переутомления,
— сказала матушка после паузы.

— Я постараюсь, — кивнула я, улыбнувшись краем губ.
Её взгляд смягчился, но строгий тон всё ещё ощущался: у
матушки было мало терпения к слабостям, но она заботилась
о здоровье и будущем дочери.

Я едва приступила к ужину и наконец набралась смелости
заговорить:

— Матушка... — начала я тихо, — можно мне гулять в
городе? Просто ходить по улицам, смотреть на лавки, как
раньше...

Её глаза мгновенно поднялись от книги. Хмурое выраже-
ние лица заставило меня замолчать на мгновение.

— Ты ещё слаба, — сказала она ровным, холодным тоном.
— Ветер и долгие прогулки могут усилить кашель.

— Я обещаю быть осторожной, — сказала я, стараясь не
показывать нетерпение. — Не буду задерживаться, просто
немного походить по городу, посмотреть на знакомые места.

Матушка вздохнула, закрывая книгу.

— Сегодня уже вечер, — отметила она. — На улицах ско-
ро стемнеет, это небезопасно.

— Я знаю, — кивнула я, — но я прошу разрешения не на
сегодня... В течение всего отпуска. Я буду гулять днём, как
в детстве.

Её взгляд смягчился, но строгий тон всё ещё оставался.

— Хорошо. Но только при одном условии: никогда не ухо-

дишь без предупреждения и домой возвращаешься до заката.

— Да, матушка, — тихо ответила я, сердце забилося быстрее.

Возможность снова свободно гулять по городу, видеть знакомые места и людей — настоящее счастье.

— И помни, — добавила она, снова листая книгу, — дисциплина и порядок важнее всего. Даже на отдыхе. За тобой присмотрят, как в столице.

— Обязательно, матушка, — ответила я, не сумев подавить улыбку, и продолжила трапезу.

Я вернулась в комнату, когда стемнело, лишь продолжая улыбаться в предвкушении завтрашнего дня. Я смогу гулять! Настоящая свобода! В столице я тоже изредка выбиралась в город. Конечно, матушка немного тревожилась, как бы титулованную принцессу не украли и не обокрали, но...

Все города в Элларии всегда казались безопасными. На улицах почти на каждом углу можно было заметить гвардейцев в блестящих доспехах, что неспешно патрулировали улицы, проверяли прохожих и следили за порядком. Иногда их было так много, что это убеждало: весь город под надёжной защитой. Они не спешили, их шаги были уверенными и спокойными, но один взгляд или тихий сигнал заставляли прохожих соблюдать порядок.

Я знала: даже если бы кто-то задумал шалость или мелкую кражу, гвардейцы быстро бы вмешались. Это была особая

безопасность, которую жители принимали как должное.

Я всю жизнь прожила под этой защитой и не боялась ни народа, ни улиц. Даже самые шумные рынки, самые переполненные площади столицы не пугали меня. Гвардейцы всегда были рядом, словно невидимая стража. Их присутствие делало город привычным, знакомым и надёжным: можно было спокойно идти куда угодно, наблюдать за жизнью людей, общаться с торговцами и детьми, не опасаясь, что что-то пойдёт не так.

С мыслями о завтрашнем дне я легла в постель. Тёплый морской ветер тихо шевелил занавески, а в комнате царила приятная тишина. Я улыбалась, предвкушая свободу, которой так долго ждала, и уютно устроилась под одеялом, чувствуя, как усталость после долгой дороги постепенно уходит. Завтра будет новый день — день, когда я смогу снова бродить по улицам Лиорена, наслаждаясь безопасностью и привычной жизнью, и это ощущение дарило необыкновенный трепет.

Глава 3. Ноа

Кап. Кап. Кап.

Сначала я пытался вычерпать воду, потом думал уйти куда-нибудь ещё, но в итоге просто поднял старый матрас на какие-то коробки и уснул. Ночевать в подвале оказалось сомнительным удовольствием, но мне не привыкать.

Я свесил ноги вниз и спустился на пол, не сразу ощутив, что там вода до щиколоток. Холодная. В темноте и не разглядеть толком ничего.

— Да твою мать...

Я поспешил найти сумку и вместе с ней направился к выходу. Придётся искать другой ночлег.

У двери, ведущей к лестнице, пришлось притормозить: в холле кто-то болтал, а я не хотел привлекать к себе лишнее внимание. Здание было трёхэтажным, заселённым большими семьями, и по утрам в холле было слишкомлюдно. Нождать дня в холодном подвале — не вариант. Наверху, на улице, должно быть хоть чуточку теплее.

Я считал минуты, пропуская разговор двух назойливых дам, перескакивающих с одной темы на другую. Их голоса были манерными, едкими и самодовольными — этого было достаточно, чтобы не вникать в суть.

Когда всё стихло, удалось прошмыгнуть в холл, а затем — на улицу. Портовый городок просыпался быстро: люди спе-

шили по своим делам, торговцы раскладывали товары, где-то слышался стук тележек. Но меня тут, на юге, удерживал ландшафт: леса, горы и системы пещер, куда люди редко забредают. Именно там водится нужная мне дичь.

Стараясь держаться в стороне от людей, я направился к рынку за завтраком. Толпа сливалась в единую серую массу. Я видел их ауры. Каждая была запятнана мелкими и крупными поступками, ошибками, привычками.

На торговых рядах ещё не все лавки были выставлены, но торговцы уже зазывали прохожих за товарами. Первым делом я купил свежую булку, а после направился прогуляться и посмотреть, какие новые торговцы приехали сегодня и какую выгоду можно извлечь.

В Лиорене я находился два месяца — длительный срок для человека вроде меня. Жизнь у народа слишком спокойная, территории безопасные. Чёртовы гвардейцы-истребители слишком быстро уничтожают добычу, на которую я выхожу. Поэтому приходится бегать с места на место. Если я хочу больше сил, мне нужно как можно больше де...

— Молодой человек! Подходите! У меня есть кое-что для вас!

Голос прервал ход моих мыслей. Торговка — медноволосая, молодая, с полностью готовой лавкой. Значит, есть шанс найти вещи, которые могут быть полезны.

Мне пришлось подойти ближе, чтобы оглядеть самодельные амулеты, книги, не несущие в себе ни грамма правды,

и драгоценные камни, в которых энергетический фон был не выше фона окружающей среды. Ничего серьёзного. Вещи, наделённые хоть клочком «магии», как это называли люди, были большой редкостью. «Магию» всегда приписывали к чему-то фантастическому, мистическому, неподвластному разуму, даже божественному. Но я знал, что это не так. Для меня это природа — сила, которую можно изучать и контролировать.

— Кажется, вы человек знающий! — воскликнула торговка с наигранным воодушевлением. — У меня огромный выбор!

Я окинул взглядом девушку перед собой, сосредоточив всё своё внимание, и увидел тусклое искажение пространства вокруг, энергетический сгусток где-то в её груди. Наверяд ли она даже гадалка. Медноволосая девица не имела заметной ауры, её душа обычна, без сильных выбросов энергии. Всё её мастерство в навыке продаж и притягательности товара, не более. На мне же — руны, браслеты, кольца, амулет — инструменты для взаимодействия с потоками. Она звала меня из-за них.

— Если вы человек знающий, — продолжила она, подходя чуть ближе, — то должны понять, что у меня есть вещи необычные... только для тех, кто умеет их использовать.

Я кивнул, продолжая осматривать лавку. Большинство вещей было пустым шумом.

— Покажите то, что действительно имеет ауру, — сказал

я ровно, — остальное мне бесполезно.

Торговка на мгновение отошла, глядя на меня и будто проверяя, насколько я серьёзен.

— Э-э... вот, — протянула она маленькую коробочку с кристаллом, внутри которого едва угадывалась слабая энергия. — Он... может усиливать концентрацию, говорят.

Я наклонился, рассматривая предмет. Кристалл реагировал на мою энергию, едва, но достаточно, чтобы я смог работать с ним. Сама торговка, стоя напротив, казалась почти невинной фигурой: рост небольшой, худощавая, волосы цвета меди блестели под утренним светом. Я оценил её точные, сдержанные движения — привычка держать руки твёрдо, чтобы ничего не упало.

— Почему вы носите всё это? — неожиданно спросила она, указывая на руны на моей одежде, браслеты на руках, амулет на шее. — Это... для магии?

— Инструменты, проводники, — ответил я. — Не магия, а контроль над энергией. Всё на своём месте, чтобы не мешало.

Она внимательно посмотрела на меня, словно пытаясь угадать, кто я. Мой холодный взгляд зелёных глаз, точные движения, сдержанная осанка — всё это диссонировало с образом обывателя. Её эмоции — интерес и лёгкая настороженность — подтверждали мои выводы.

— Я вижу... — сказала она тихо. — Не каждый понимает, о чём вы говорите.

— Большинство людей видят только то, что хотят видеть, — произнёс я спокойно. — Энергия повсюду, но лишь немногие умеют её распознавать и направлять.

Торговка кивнула, пытаясь скрыть восхищение, и я вернулся к осмотру лавки.

Вскоре я вернул взгляд к кристаллу, выставленному передо мной. Ничего полезного больше тут нет.

— Беру его.

Расплатившись, я продолжил прогулку по рынку, но вскоре его покинул, так и не найдя ничего стоящего.

Следующей задачей стал поиск нового ночлега — места, где можно оставить вещи и не проснуться в воде. Я направился вглубь городка, подальше от моря. Лиорен стоял на холмистой территории у подножия гор, а значит, стоило искать жильё на возвышенности: в случае продолжительных ливней подвал там не затопит.

— Ноа!

Проходя мимо главной площади, я услышал знакомый девичий голос.

Где бы я ни находился, я старался поддерживать хоть какие-то связи с людьми, чтобы не терять человечности. Общество было погрязшим в пороках, эгоизме и мелочности, но даже в нём встречались редкие проявления альтруизма, доброты и самопожертвования. О таких вещах не стоило забывать. Совсем не хотелось становиться тварью и вредителем.

Я обернулся к фонтану, возле которого собралась молодёжь здешнего городка:

Мелисса — дочь пекаря, та самая, что окликнула меня.

Филипп — часовщик, недавно унаследовавший лавку от своего престарелого деда.

Августина — тихая и незаметная девушка, о которой я почти ничего не знал.

Томас — сын торговцев, мечтавший вступить в гвардию.

А вот ещё одну, белокурую девицу, я ещё не встречал.

В отличие от меня, они умели наслаждаться жизнью: встречались, гуляли, шутили, мечтали. И по какой-то причине решили, что я должен быть частью их компании.

Только вот отчего вокруг так много гвардейцев? Я осмотрелся по сторонам и увидел, что площадь патрулировал целый отряд. Они держались в стороне, но их присутствие нельзя было не заметить. Новое лицо — аристократка?

— Ноа! Где ты пропадал две недели?! — Мелисса подбежала ближе и сразу повисла у меня на руке, словно я могу сбежать.

— На охоте.

У меня сейчас были другие заботы. Не особо интересовало, почему ребята собрались так рано утром или какие планы у них на сегодняшний день.

— А почему не предупредил? — девушка по-детски надула губы, в упор глядя на меня своими тёмными глазами, похожими на щенячьи. Возможно, для кого-то она была ми-

ла, но я не мог понять её навязчивость и показушную доброту. Хотя, это ведь юность... Мне самому только стукнуло двадцать в этом году. Вроде бы.

— А разве должен? — спокойно ответил я. — И у меня сейчас есть дела.

Я аккуратно освободил руку.

— Ну всегда ты так! — Мелисса снова надулась. — А когда ты освободишься?

— Не знаю. Возможно, к вечеру.

— Правда?! — почему-то мой ответ вызвал у девицы яркую радость. — Вечером мы пойдём встречать закат на пляже! Пойдёшь с нами?

— Ну, я...

— Тогда в шесть здесь! — она не дала мне опомниться и умчалась обратно к компании ребят.

Я лишь вздохнул и ещё раз окинул своих знакомых взглядом. Неужели я никогда не смогу существовать так же, как они? Глаза метнулись в сторону нового лица. Девушка, что сейчас наблюдала за мной с любопытством, казалась среди главной площади светлым пятном. Я не сразу осознал, что дело не только во внешности.

Её аура... слишком яркая, слишком сильная.

Я впервые видел человека с подобной энергией. Выясню позже, возможность никуда не денется. С этими мыслями я двинулся дальше в сторону гор.

Глава 4. Виолетта

— Вечером на пляж, — заявила Мелисса, как только вернулась к нам. — Ноа обещал прийти.

— Ноа? — переспросила я. — А кто это?

Того юношу я видела впервые.

В городке я жила уже две недели. Как оказалось, мои старые друзья детства всё ещё были здесь. Единственное — к нашей компании прибавился Томас. Его родители переехали в Лиорен около пяти лет назад и купили участок земли, на котором теперь располагалась часть рынка.

У моря мне и вправду стало гораздо легче. Я реже кашляла, почти не чувствовала слабости, а вместо этого появилось желание двигаться, гулять, смеяться. При дворе я никогда не ощущала такой лёгкости. Там всегда приходилось держать лицо, чтобы не опозорить ни матушку, ни отчима.

— Ноа — наш мрачный талисман, — с усмешкой сказал Филипп и покосился на Мелиссу.

Я почти сразу, в первые дни пребывания тут, заметила, как он смотрит на неё — слишком внимательно, слишком бережно. Было понятно, что он испытывает к ней нечто большее, чем дружбу. И неудивительно, ведь Мелисса выросла настоящей красавицей. Густые тёмные волосы и брови, округлое миловидное лицо, длинные ноги и пышная грудь. Она была ярче большинства придворных дам, которых я зна-

ла; рядом с ней словно становилось теплее.

— И давно он здесь живёт? — поинтересовалась я.

Присев на бортик фонтана, я опустила руку в прохладную воду.

— Он тут ненадолго, как и ты, — спокойно ответил Томас, подключаясь к разговору. — Путешествует с отцом. Они охотятся на редкое зверьё, потом продают шкуры и кожу.

Я нахмурилась.

— Охотятся?.. В смысле... сами? — уточнила я. — Разве сейчас всё это не производят на фермах?

Мысли об охоте почему-то сразу вызвали во мне неприятное чувство. Отчим иногда ездил на охоту, но для него это было скорее развлечением, чем необходимостью. А тут — способ заработка.

— Не всё можно вырастить, — пожала плечами Августина. — Богачам подавай кошель из крокодила или шубу из лесного волка.

Она фыркнула, словно сама была недовольна тем, о чём говорит. Мне стало не по себе.

— Но ведь... это же живые существа, — тихо сказала я. — Ради красивой вещи...

Убивать кого-то ради прихоти казалось жестоким.

— Ну, спрос рождает предложение, — неуверенно заметил Томас. — Пока есть покупатели...

— Всё равно неприятно, — пробормотала я, опустив взгляд на воду.

Филипп, заметив напряжение, тут же махнул рукой.

— Всё, хватит мрачных тем! — воскликнул он. — Пошли лучше на рынок, а то я умираю с голоду!

— Вот это поддерживаю, — засмеялась Мелисса.

И компания сразу оживилась, словно тяжёлая тема растворилась в тёплом морском воздухе. Мы все вместе направились к рынку, который к полудню уже был наполнен шумом, голосами и запахами свежей выпечки, рыбы и пряностей. Узкие улочки вокруг площади оживились: торговцы выкрикивали цены, дети бегали между лавками, а над всем этим витал солёный морской воздух. Иногда я замечала на себе взгляды гвардейцев, которые встречались на пути.

Мелисса почти сразу утащила меня к прилавку с украшениями из ракушек и цветных камешков.

— Смотри, какие милые! — восхищённо сказала она, перебирая браслеты. — Тебе такой подойдёт.

— Думаешь? — я улыбнулась, разглядывая тонкую цепочку с маленькой жемчужиной.

— Конечно. С твоими волосами — идеально.

Я поддалась её уговорам и купила браслет, а Мелисса выбрала серьги в форме морских звёзд, которые я решила ей подарить.

Филипп тем временем уже стоял у булочной, выбирая себе что-нибудь посытнее, а Томас спорил с торговцем о цене на сушёную рыбу. Августина молча шла рядом со мной, иногда останавливаясь у книжных лавок и старых карт.

После рынка мы отправились к набережной. Солнце уже стояло высоко, отражаясь в воде тысячами бликов. Волны мягко накатывали на берег, а вдоль причалов покачивались лодки и небольшие торговые суда.

Мы купили холодный лимонад и устроились на деревянных ступенях у воды. Филипп рассказывал какие-то истории про своего деда, Мелисса смеялась громче всех, а Томас время от времени пытался выглядеть серьёзнее, чем был на самом деле.

Я слушала их вполуха, наслаждаясь теплом и свежим морским воздухом. В груди было легко, дыхание не сбивалось, и я впервые за долгое время поймала себя на мысли, что чувствую себя по-настоящему хорошо.

Днём мы ещё долго бродили по улочкам: заходили в маленькие лавочки, пробовали сладости, смотрели, как рыбаки чинят сети, и просто разговаривали ни о чём важном. Иногда я ловила себя на том, что улыбаюсь без всякой причины.

К вечеру солнце стало клониться к горизонту, окрашивая дома и крыши в тёплые золотистые оттенки.

— Нам пора, — заметила Мелисса, глянув на небо. — Уже почти шесть.

Мы неспешно вернулись на главную площадь. Фонтан тихо журчал, вокруг собирались люди, кто-то сидел на бортиках, кто-то стоял группками, ожидая заката.

Я остановилась рядом с Мелиссой и невольно огляделась по сторонам. Интересно, придёт ли он?

— Уже четверть седьмого, — Филипп прервал молчаливое ожидание, взглянув на наручные часы.

— Подождём ещё немного, — со вздохом сказала Мелисса, вглядываясь в толпу.

С ней спорить никто не стал. Все решили повременить, разговор вскоре завязался сам собой.

— Слышали, что прошлой ночью пьяные разгромили магазин тканей на Старой Мельнице? — тихо сказал Томас, переглядываясь с Филиппом. — Прилавок полностью вывалили на улицу.

— И никто их не поймал? — удивлённо спросила Августина.

— Поймать? — фыркнул Филипп. — Гвардейцы были слишком заняты патрулированием «важных кварталов». Они пришли только утром. А магазин выглядел так, будто по нему прошёлся ураган.

— Жалко же владельца, — тихо заметила я. — Представляю, как он утром стоял и всё разбирал...

— Разрушили имущество и оставили беспорядок, — спокойно сказала Мелисса. — Всё как есть. Пьяные не учли последствия своих действий. Страдания владельца — результат их ошибок, не больше.

— Ну, это Лиорен, — Томас пожал плечами. — Тут такое случается. Главное, чтобы никто не пострадал.

Я невольно посмотрела на отряд гвардейцев, стоявших неподалёку. Их было здесь не меньше десятка — все ради

того, чтобы я могла спокойно ждать друзей. А в это время где-то на окраине могли грабить ещё один магазин, и защитить его было некому.

И вдруг их голоса стихли. Ноа пришёл с опозданием.

— Привет. — Он улыбнулся, но я словно не ощутила от него тепла. Наоборот, какую-то пугающую пустоту. Это было... странно. Я невольно его оглядела, ведь смогла теперь рассмотреть получше.

Юноша был выше знакомых мне ребят и, в отличие от темнокожего Филиппа и смуглого Томаса, непривычно «блёклым» для южного городка. Это сразу выдавало, что он приезжий, как и я. Тёмные вороньи волосы и холодные зеленые глаза мне отчего-то казались знакомыми, чем-то напоминая моего сводного брата. Он был непритязателен в одежде: светлая льняная рубаша без вышивки или красивого воротника, обычные потрёпанные брюки, изношенные броги.

Меня сразу заинтересовали символы, нарисованные на рукавах его рубашки, кажется, обычной краской или чернилами, звенящие браслеты и амулет на шее. Мы с девочками часто надевали украшения, но у юношей, особенно вне дворца, такое встречалось редко.

Ноа тихо усмехнулся из-за моего пристального взгляда, а я сразу почувствовала, как к лицу приливает жар. Он протянул мне руку для приветствия.

— Ноа.

Я пожала ему руку и мило улыбнулась. Прикосновение по-

казалось странно холодным, пустым.

— Виолетта.

От его ответной улыбки прошла дрожь по телу. Он смотрел на меня слишком пристально, словно заглядывая в самую душу.

— Ну всё, хватит глазеть, — Мелисса хлопнула в ладоши, — идём на пляж! Солнце не ждёт.

— Время встретить закат! — согласился Филипп.

Августина тихо вздохнула, поднимаясь с бортика фонтана. Все двинулись прочь с главной площади.

Мы прошли через рынок, мимо лавок и шумной толпы, смеялись, спорили, кто первым доберётся до пляжа. Даже Августина улыбнулась, когда Филипп с Томасом устроили маленькую гонку, толкая друг друга плечами.

Вскоре мы вышли на берег. Море блестело под вечерним солнцем, ветер трепал волосы, воздух был полон соли и свежести.

— Вот это лето! — воскликнула Мелисса, расправляя плечи.

Я вдохнула солёный морской воздух и почувствовала лёгкость. Но взгляд мой снова сам собой метнулся к Ноа. Казалось, для него весь шум и веселье — лишь фон.

Филипп рванул к воде первым, а за ним — Томас, Августина и Мелисса. Я шагнула следом, но немного замедлила шаг, наблюдая за юношей. Он остановился.

— Ну что, — произнесла Мелисса, — кто первым в воду?

Ноа только кивнул мне, словно подтверждая, что наблюдает, но не участвует. И всё же его присутствие не отпускало меня, создавая странное напряжение даже среди веселья и смеха. Он не последовал за ребятами, а присел на песок. Я тоже не стала идти к воде, глядя на парней. Они стянули с себя одежду и нырнули в волны. Августина и Мелисса же остались у самого берега, задрав платья и заступив в море по колено.

Я присела на песок рядом, чувствуя, как прохладные крупинки под пальцами мягко проседают. Он не обернулся, лишь повернул голову, чтобы бросить на меня взгляд. Его зелёные глаза были холодны, пусты, и в них не отражалась ни радость, ни любопытство — лишь внимание, точное и изучающее.

— Не любишь купаться? — тихо спросила я, чтобы разрядить тишину. Голос осип, и меня сковал короткий приступ кашля.

Ноа молча кивнул. Ни улыбки, ни раздражения — ничего, кроме странного спокойствия, которое одновременно настораживало и притягивало.

К нам вскоре прибежали девушки и плюхнулись на песок рядом.

— Чего сидим? Так тепло! — Мелисса пыталась отдышаться после ребячества в воде.

— Ну, мы ведь на закат пришли смотреть?

Я в любом случае не полезла бы в воду. Кажется, я иду на

поправку, не хотелось бы простыть.

— Закат, закат, на нас бы кто посмотрел! — ответил Филипп, который прибежал за подругами, оставив позади Томаса. Он взъерошил волосы близ нас; я, как и девчонки, возмущённо взвизгнула из-за капель воды, попавших на меня.

— Было бы на что посмотреть, — рассмеялась Мелисса, смахивая мокрые пряди с лица.

— Виолетта, так сколько ты ещё пробудешь с нами? — спросил вдруг Филипп, плюхаясь на песок рядом со мной.

— До конца лета, — я улыбнулась от мысли, что у меня ещё полно времени повеселиться.

— Ну всё, хватит сидеть, — Мелисса хлопнула в ладоши, — тянем Ноа в воду!

— Он что, согласится? — тихо поинтересовалась Августина.

— Давай, один раз ради нас! — Мелисса потянула Ноа за руку.

Он встал без возмущений, словно его и не надо было заставлять, и стянул с себя рубаху.

— Если я утону, это будет ваша вина.

— Ну и шуточки у тебя! — рассмеялся Филипп и обнял Ноа за плечи, потянув к воде. Томас поступил так же, лишь торопя ребят.

Девчонки бросились следом, смеясь и пытаясь не отстать. Сначала в воду ушли Ноа, Филипп и Томас. Они шли вглубь, ныряли и брызгались, создавая шум и движение. Августина

и Мелисса вскоре последовали за ребятами, раздевшись до купальников. Я осталась сидеть на песке, наблюдая за ними, тихо улыбаясь их забавам, ощущая ветер и запах соли. Море тихо блестело под вечерним солнцем, а шум компании смешивался с лёгким плеском волн.

Когда солнце стало касаться горизонта, в воздухе появилось мягкое золотое свечение, и Ноа вернулся к берегу. Он снова сел рядом со мной на песок, тихо, без лишней суеты.

— Настолько не любишь воду?

— Там не удастся нормально наблюдать за закатом, — он ответил с лёгкой усмешкой, которая едва заметно смягчила холодность. — Да и не хочется участвовать в их... любовных треугольниках.

— Треугольниках?

Ответа я не получила. Ноа лишь угукнул, взглянув на меня, а затем снова перевёл взгляд к ребятам, которые плескались в воде.

— Откуда ты?

— Из столицы, — я пожала плечами, словно ответ был очевиден. Я привыкла, что все вокруг меня знали о моей семье и моем титуле. — А ты?

— Не помню уже откуда. Вечно в разъездах, — он говорил так, словно этот разговор ему вовсе не интересен. — Столица... Как там сейчас?

— Хорошо, как и раньше. Его Величество заботится о горожанах.

— Это лишь мишура.

— Почему ты так думаешь? — Внутри меня вспыхнул короткий испуг. Никогда раньше я не слышала, чтобы кто-то критиковал моего отчима, даже за спиной. Его род Ланкастеров правил уже несколько столетий, и уважение к нему было почти религиозным.

— Много бедности. А крайние законы сдирают с народа последнее. — Он снова взглянул на меня. Его тон был ровным. Если бы нечто подобное сказал Филипп, то это было бы очень эмоционально.

— Но ведь это делается на благо всего государства. Налоги собирают, чтобы поддержать тех, кому это требуется...

— Эти деньги не возвращаются в народ. Король, кажется, строит очередной замок на севере, расширяет армию и, должно быть, жирный, как боров.

Я как-то судорожно вздохнула и обняла колени, подтянув их к груди. В чём-то он был прав... Я, конечно, замечала, насколько отчим высокомерен, груб, жесток. Но никогда не смела об этом говорить. Всё же он — правитель.

— Не знаю. К тому же... Давно его не видела, — тихо призналась я. Действительно, я пропустила последние приёмы и почти не встречала Короля во дворце.

— Ты придворная? — Ему никто ничего не сказал? Может, оно и к лучшему.

— Угу.

Солнце начало скрываться за горизонтом, окрасив небо в

оранжевые, розовые и пурпурные цвета. Я отвлеклась на вид и замолкла, наслаждаясь яркими красками и легким ветерком.

— Как... Красиво... — выдохнул вдруг Ноа рядом, из-за чего я взглянула на него и улыбнулась. Он не сводил взгляд с горизонта, и в его глазах я впервые за сегодняшний день увидела что-то. Это было восхищение.

— Очень.

Глава 5. Ноа

Я не мог выкинуть эту девицу из головы. Несколько дней я не пересекался с ребятами, хоть и не покидал город для охоты. Её аура была такой обжигающей... спокойной и сильной. Никогда в жизни я не встречал такой силы, только у детей. Да, бывали те, кто не обременён терзаниями совести, вправду добрые и не алчные люди, но это... это нечто иное.

Пришлось снова перечитать все свои заметки и продолжить переводить старый дневник той, кого когда-то называли ведьмой. Я выкупил его на восточной границе где-то полгода назад. Текст был написан на арканском, древней его форме, причём грамматически и лексически он сильно отличался от современного языка, поэтому разобраться в нём было непросто.

— Так... Сила души непостоянна... Разум сам выстраивает структуру и контролирует потоки... — пробормотал я вслух, чтобы лучше вникнуть в смысл. — Выходит, собственная голова контролирует твою энергию.

Я сразу начал перебирать в памяти примеры, когда наблюдал нечто подобное. Верен ли перевод? Верно ли я всё понял?

Взгляд метнулся к небольшому окну под потолком, откуда пробивались тусклые лучи дневного света. Очередной подвал стал моим временным убежищем: я выходил отсюда

лишь за едой, всё остальное время проводя за дневником. Мне повезло: было сухо, я ещё ни разу не видел крыс, а ещё тут было нагромождение старой мебели. Пыльно, зато имелся стол для работы и достаточно мягкая софа для сна.

Душа и поступки...

Я вспомнил женщину, потерявшую ребёнка из-за болезни крови, от которой отмахнулись все врачи и целители. Тогда я жил на севере и изучал целебные минералы. Полученные знания хотелось применить на практике, и я решил попробовать помочь той семье. Энергии, которой я обладал и которую вложил в минералы, оказалось недостаточно. Мальчик всё равно умер. А его мать... Я до сих пор помнил, как её душа начала тускнеть и колебаться прямо на моих глазах, когда она узнала о смерти сына. Она винила себя: не доглядела, не настаивала, не обратилась за помощью раньше. Говорила, что могла всё изменить. Но, говоря откровенно, её вины не было. Это была лишь природа. Случай. Болезнь. Она не могла сделать абсолютно ничего.

— Выходит, она либо не человек, либо слишком невинна... — тихо пробормотал я и придвинул к себе блокнот, делая заметки.

Может, девица считает себя чистейшей и совестливой? Но если бы это было ложью или самообманом, её аура изменилась бы. Она бы исказилась. Значит, всё это искренне. Но такого быть не может, ведь все люди допускают ошибки. Интересно, кто она и как же она живёт?

Я изучал энергию, потоки и души всего сущего с раннего детства. Но никогда не задумывался, что можно контролировать своё нутро. Это может стать ответом... ответом моего существования.

Весь мир пронизывает энергия. Она циркулирует повсюду. Люди сталкиваются с этим каждый день. Любые эмоции — это реакция души на столкновение с потоками. Судьбоносные встречи — переплетённые нити. Рождение новой жизни — искра, создающая новую душу, питающуюся энергией матери в утробе. Но о сути мало кто задумывается.

Экзорцисты, колдуны, ведьмы, целители — люди списывают всё это на неведомую «магию». Как бы далеко ни зашёл технический прогресс, в изучении этих, на мой взгляд, элементарных природных процессов человечество отчего-то застряло. Впрочем, они не видят того, что вижу я. А как охотно народ скупает пустые амулеты, верит гадалкам, предсказаниям, знакам... Это всё большой театр без понимания процессов.

Я посмотрел на старые часы с разбитым стеклом, стоявшие на столике. Совсем скоро закат. Возможно, ребята снова гуляют. Я смогу понаблюдать за... Виолеттой. Почему-то она предпочла недоговаривать о себе, но я узнал, что она — приёмная дочь Гидеона Ланкастера, а значит, принцесса. Но не сказать, что эта информация сейчас была бы мне на руку или на что-то влияла. Её душа интересовала меня куда больше титулов.

Спрятав все вещи в сумку, а сумку — за забытым кем-то барахлом, я вышел на улицу и направился в сторону главной площади Лиорена. Вскоре я и вправду заметил знакомую компанию, идущую по узким улочкам и громко переговаривающуюся между собой. Похоже, они старались проводить как можно больше времени с новым лицом.

— Ноа! — первой меня заметила, очевидно, Мелисса. Она тут же отделилась от остальных и поспешила ко мне, бросив разговор и друзей. — Надеюсь, нас ищешь?

— Удивительно, но да, — я изобразил усмешку, а девушка сразу просияла.

— Отлично! Мы идём в таверну, присоединяйся.

— М-м, значит, планируете весёлый вечер? — я двинулся к остальным, коротко махнув им рукой в знак приветствия.

— У Виолетты скоро день рождения, — пояснила Мелисса. — Нужно выбрать место для празднования, а она тут ни одного заведения толком не знает.

— Сомневаюсь, что праздник будет в этой компании, — пробормотал я себе под нос.

По дороге ребята быстро втянули меня в свою привычную, бессмысленную болтовню: кто кого видел, кто что купил, где вкуснее кормят и почему Томас снова опоздал. Но я от разговоров был отвлечён. Всё моё внимание было приковано к Виолетте. Я снова и снова пытался уловить в её ауре хотя бы тень искажения, хоть малейшее тёмное пятно — то, что было присуще любому человеку. Но ничего подобного

не находил. А энергию, от неё исходящую, казалось, ощущал физически, а не просто восприятием.

Под моим взглядом она почему-то начинала смущаться, замолкала, краснела и старалась держаться ближе к Августине. Иногда делала вид, что внимательно слушает Филиппа или разглядывает улочки. Казалось... я её пугаю.

Вскоре впереди показалась вывеска таверны. Она располагалась в старом каменном здании с покосившейся крышей и потемневшими от времени стенами. Над входом висела деревянная вывеска с выцветшим изображением чайки и надписью «Солёный Ветер». Изнутри доносились голоса, смех и звон посуды.

Стоило открыть дверь, как нас накрыла волна тёплого воздуха, смешанного с запахами жареного мяса, пряностей, алкоголя и морской соли, въевшейся в доски за долгие годы.

За дальним углом кто-то играл на расстроенной лютне, пытаясь перекричать общий гул.

— Я очень люблю это место! — радостно заявила Мелисса, обращаясь в большей степени к Виолетте. — Тут всегда шумно и вкусно.

— И дёшево, — добавил Филипп.

Мы заняли свободный столик у окна, откуда было видно темнеющее небо и узкую полосу моря вдаль. Я сел рядом с Виолеттой, заняв место у стены. Так было удобнее наблюдать за всей компанией и не привлекать к себе лишнего внимания. Она слегка напряглась, когда я опустился рядом, но

ничего не сказала, а лишь коротко улыбнулась и снова посмотрела на ребят.

К нам почти сразу подошла официантка — уставшая девушка с тёмными кругами под глазами и быстрым, цепким взглядом.

— Что будете? — спросила она, уже готовая записывать.

Филипп и Томас заказали по кружке пива, Мелисса — сладкое вино, Августина — сидр. Я взял что-то крепкое, без особых раздумий.

— А я... сок, пожалуйста, — тихо сказала Виолетта после небольшой паузы.

— Как будто мы тут собрались не веселиться, а на приём к герцогу, — усмехнулся Филипп.

— Зато завтра голова болеть не будет, — спокойно ответила Виолетта.

Вскоре на столе появились кружки, стаканы и тарелки с закусками: жареные ломтики рыбы, хлеб, сыр, орехи и солёное мясо. Шум вокруг усилился, будто таверна с каждой минутой наполнялась всё больше.

Томас, не теряя времени, вытащил из-за пояса потёртую колоду карт.

— Ну что, господа и дамы, — заявил он с важным видом, — кто сегодня останется без ужина?

— Только не опять на желания, — простонала Августина.

— А мне понравилось, — хмыкнула Мелисса.

Мы расселись плотнее, сдвинув тарелки к центру. Томас

быстро раздал карты, и разговор постепенно перешёл в шумную, беспорядочную смесь шуток, споров и поддразниваний.

— Эй, ты жульничаешь! — возмутился Филипп.

— Я просто талантлив, — парировал Томас.

— Да-да, талантлив терять карты под столом, — фыркнула Мелисса.

Я сначала участвовал рассеянно, отвечая коротко и без особого энтузиазма, но постепенно втянулся. Разговоры были пустыми, не несущими смысла, но в этом и заключалась их ценность — не нужно было думать, анализировать, искать скрытые мотивы. Можно было просто быть частью компании.

— Ноа, твой ход! — напомнила Мелисса.

— Ну вот и всё, — я спокойно выложил карту. — Ты проиграла.

— Что?! Как?!

Филипп рассмеялся, чуть не пролив пиво.

— Он всё время так. Сидит, молчит, а потом внезапно всех обыгрывает.

— Несправедливо, — надулась Мелисса.

— Это называется хитрость, — заметил я.

Разговоры продолжались: о смешных случаях на рынке, о странных покупателях, о том, кто из местных снова напортачил. Я начал отвечать чаще, иногда даже вставлял сухие, но точные шутки, из-за которых Филипп смеялся громче всех.

Со стороны, наверное, казалось, что я полностью вовле-

чён. Но я всё равно чувствовал на себе её взгляды. Виолетта время от времени украдкой смотрела на меня — быстро, словно боясь быть замеченной. Я делал то же самое.

Сегодня она была одета совсем иначе, чем в прошлый раз: дорогое шёлковое платье, тонкая цепочка с подвеской из светлого металла, кольца, золотой браслет... Слишком нарядно для такой компании.

И слишком дорого.

А у меня как раз заканчивались деньги. Пожалуй, стоит провести эксперимент.

— Почему ты тут? — я задал вопрос резко, из-за чего девушка вздрогнула, словно не ожидая, что я могу с ней заговорить, и, кажется, поперхнулась соком, сразу закашлявшись.

— В смысле?..

— Сидишь тут с простыми смертными, — пояснил я с полуулыбкой, посмотрев на неё.

— Это... намного веселее, чем могло быть при дворе.

— Мило, — я откинулся назад и сделал глоток из стакана, небрежно положив руку на спинку её стула.

Виолетта тут же замолчала и покраснела, глядя на меня растерянно.

— Засмущал? — тихо спросил я, краем глаза наблюдая за компанией, увлечённой разговором. И, будто случайно, коснулся её плеча.

— Немного.

— Извини, — усмехнулся я. — Тяжело устоять перед такой красотой.

От откровенного флирта она совсем растерялась — именно на это я и рассчитывал. Я провёл пальцами по её шее, сосредотачиваясь, собирая энергию...

...и в следующий миг цепочка с подвеской уже была у меня.

— Я... я хочу прогуляться, — пробормотала Виолетта и резко поднялась. Её аура задрожала от волнения. Она обогнула стол и направилась к выходу. Я слегка толкнул Филиппа в плечо и кивнул в её сторону.

— Присмотри.

— Мы не закончили партию! — возмутился он. — Идите, выйдем попозже.

Я лишь вздохнул и тоже поднялся из-за стола. Нагнал Виолетту уже на улице. Она стояла у входа в таверну и смотрела на темнеющее небо, где начинали загораться первые звёзды.

— Порядок?

— Д... Да, — она обернулась ко мне. — Просто захотелось подышать.

Я замолк, не зная, как поддержать разговор, и невольно огляделся.

Улица была узкой и вытянутой, вымощенной неровным камнем, отполированным сотнями шагов. По обе стороны тянулись старые дома с деревянными балконами и ставнями, местами облупившимися от соли и ветра. В окнах горел

тёплый свет ламп, за занавесками мелькали силуэты людей. Где-то вдалеке слышался гул моря и крики чаек, смешанные с музыкой и смехом из соседних таверн.

Фонари уже зажглись, отбрасывая на стены мягкие жёлтые пятна. Влажный вечерний воздух пах рыбой, дымом и свежим хлебом из ещё открытых пекарен. Город медленно переходил в ночной ритм — ленивый, чуть сонный.

— Пойдём на площадь? — вдруг сказала Виолетта. — Ребята говорили, что с наступлением темноты у фонтана загорается подсветка. Я хотела бы взглянуть.

— Ладно, — ответил я спокойно.

Она неожиданно поймала мою ладонь и потянула в сторону главной площади. Я на мгновение замер, не сразу понимая, почему это простое прикосновение кажется мне странным. Обычно подобные вещи не вызывали никакой реакции.

Я позволил ей вести меня вперёд, шагая рядом, слушая её лёгкое дыхание и мерный стук наших шагов по камням улицы. Пальцы невольно нащупали кольца на её руке. От неё не убудет, если я заберу одно. Тем более гвардейцы от нас отстали в полумраке.

Но нужно её отвлечь.

— Тебе тут нравится?

— Теперь точно да, — Виолетта рассмеялась от чего-то, взглянув на меня.

— Так вот, значит? — я изогнул бровь и улыбнулся, подыгрывая. Снова сосредоточился, собрал энергию...

Вдруг стало как-то не по себе. Внутри будто образовался неприятный ком вместо привычной пустоты и штиля. Что это?

Девушка резко опустила взгляд на наши сцепленные руки и остановилась, замерев, как и я. Она... Почувствовала?

— Что это такое?! — Виолетта отпрянула на несколько шагов и уставилась на свою руку, на которой не хватало кольца. Да уж... Неприятный казус.

— Упс.

— «Упс»?! Как ты это сделал?!

— Извини, — я выдохнул и протянул ей кольцо. Другой рукой.

Она уставилась на меня с откровенным удивлением. Страх в её глазах не было, только растерянность и любопытство. Виолетта резко выхватила украшение и тут же надела обратно. Пространство вокруг неё изменилось лишь на миг...

— Ловкость рук. От тебя не убудет.

— Так нельзя, — выдохнула девушка и коснулась ключиц, тут же вздрогнув от понимания, что на ней нет цепочки. — Это тоже ты?..

— Ну и что теперь, сдашь меня гвардейцам?

— Нет. Но хочу знать, как ты это сделал. И что это была за дымка. — Она протянула ко мне руку, ожидая получить подвеску.

Ну вот... не удалось разжиться.

— Слишком любопытный нос, — со вздохом я залез в

карман брюк и отдал и это украшение.

— Но мне правда интересно. — В её тоне не было ни капли злости на меня. А её аура лишь ярче засияла от заинтересованности.

Виолетту совсем не волновало, что перед ней стоит вор. Она хотела... понять. Сдержанность? Спокойствие?

— Хорошо. Дай руку. — Я протянул ей ладонь.

Она недоверчиво вложила пальцы в мою ладонь, а я слегка сжал их. Сосредоточился. Из рукава рубашки выскользнула бордовая змея, что мгновенно опоясала запястье Виолетты и пастью ухватила один из браслетов. А потом, вместе с ним, за секунду растворилась в тёмную дымку, что быстро втянулась обратно в рукав. Это был мелкий демон, приручённый мной давным-давно.

— Что это... — растерянно сказала девушка, огромными глазами наблюдая за всем этим действием.

— Вот вы где! — раздался позади голос Филиппа.

— Куда идёте?! — Августина, подвыпив, стала громче и активнее.

Виолетта вздрогнула и отпрянула от меня, оборачиваясь к друзьям. В тот же миг я понял, что пора исчезать, иначе придётся вернуть ещё и браслет.

Когда она снова повернулась ко мне, меня уже не было.

Глава 6. Виолетта

Ноа украл мой браслет! Я почувствовала прилив возмущения и одновременно странную тревогу. Как он мог так нагло взять чужое? Но, с другой стороны, мне было его жалко. Он ведь явно не стал бы делать это просто ради шалости. Говорят, что он охотник на редкую дичь, а значит, прибыль у него должна быть приличная, как и у его отца. Зачем же тогда так поступил? И откуда у него демон, почему он таскает его с собой?

Всё это время я думала, что смогу погрузиться в свободную юность с головой, а внимание Ноа — признак лёгкой симпатии. Конечно, далеко бы это не зашло... Но реальность оказалась проще и жёстче: он просто хотел обогатить меня.

Я решила пока никому не рассказывать о случившемся. С ребятами у таверны после инцидента я пробыла недолго, ведь уже стемнело, и я нарушила правило матушки. Они все вместе решили меня проводить. По пути я расспрашивала о Ноа, пытаясь собрать хоть какую-то информацию.

— Хоть бы попрощался, так быстро исчез... — бормотал недовольный Филипп.

— А как вы с ним познакомились? — тихо спросила я.

— О, это было случайно, — рассмеялась Мелисса. — Я раздавала отцовские булочки, которые не удалось продать за день. Он стоял чуть в стороне, казался странно отстранён-

ным, и я подумала: «Вот новый персонаж для компании!» — и буквально затащила его к нам.

— Видел кто-нибудь его отца? — спросила я у Томаса, стараясь быть как можно более невозмутимой, хотя сердце колотилось. — Или, может, замечали что-то странное?

— Отца? — переспросил он. — Нет, я никогда не встречал. И на рынке его тоже не замечал, — пожал плечами Томас. — Да и вообще ничего странного он вроде не делал. Ведёт себя тихо, но умеет быть резким, если нужно.

— Я тоже не замечала ничего необычного, — тихо добавила Августина. — Он просто... немного другой. Не такой, как все мы.

Я кивнула, поглаживая рукой оставшийся на запястье браслет. Для меня это безделушка, а для кого-то — пропитание. От меня вправду не убудет.

Я только сейчас задумалась, в каких условиях жила всю жизнь: я не беспокоилась ни о еде, ни о воде, ни о крове. Это было само собой разумеющееся, и я спокойно жила, а у других-то вне дворца всё иначе. И матушка всегда мне говорила, что я должна быть сдержана, я ведь титулованная принцесса, мне это под стать.

Почему-то меня совсем не испугало то, что Ноа использовал демона. В детстве я много читала о таких существах в энциклопедиях и сказках, пыталась понять, чем они отличаются от обычных животных. Да, сильнее, некоторые обладают магией, но всё равно... Никто ведь не боится предска-

зателей, целителей или создателей амулетов.

Король, насколько я знала, всегда был обеспокоен демонами. Именно поэтому у нас есть гарнизон, специальные учебные заведения, а в каждом городе дежурят гвардейцы, следящие за порядком. Их главная задача — уничтожать демонов, если те вдруг появятся рядом с людьми.

— А вы... видели когда-нибудь демонов?

— Нет, — ответил Филипп, похоже, не сразу понимая серьёзность вопроса. — Мне повезло, кажется. Или просто не попадались.

— Я... видела только записи и рисунки, — сказала Августина, нагоняя нас. — Но это совсем не то, как если бы встретить их вживую.

— Я слышал о случаях на севере, — вмешался Томас. — Там, вроде, одна деревня едва не была разорена. Но такие случаи редки.

Я на мгновение вскинула взгляд на ребят, и моё сердце сжалось от внутреннего противоречия. С одной стороны, они весёлые и беззаботные, и это здорово. С другой стороны, мои мысли всё равно возвращались к Ноа.

— А вы думаете, — тихо добавила я, почти не осмеливаясь поднять на них глаза, — что они могут быть рядом, даже если мы этого не видим?

— Ну... если встретишь демона, — сказал Томас, сжав кулаки и оглядев ночных дозорных, мимо которых мы проходили, — лучше уметь защищаться. Я бы не стал бояться,

я бы действовал.

— А Ноа... — пробормотала я, но тут же замолчала. Наверное, не стоит раскрывать чужую тайну.

— Что? — Мелисса наклонилась ближе, видя, что я задумалась.

— Ничего.

Беседа постепенно смягчилась, ребята начали обсуждать что-то менее напряжённое, смеялись и шутили. Я молча наблюдала за ними, стараясь держать мысли при себе, но сердце всё равно ёкало при каждом упоминании о Ноа.

Вскоре я распрощалась со всеми, передала деньги за посиделки в таверне и пробралась на территорию фамильного особняка. Вечерний ветерок заставил покрыться мурашками, воздух был прохладным и влажным. Я прошла через арку ворот, бесшумно открыла дверь и, не встречая никого на лестнице, поднялась к себе.

В комнате было тихо, только лёгкий сквозняк шуршал занавеской, и мягкий свет луны ложился на пол серебристой полосой. Я подошла к комоду, медленно развязала ленты на платье и осторожно сняла его, повесив на спинку стула. Ткань всё ещё хранила тепло прошедшего дня и запах моря.

Я распустила волосы, провела по ним пальцами, чтобы расправить, затем переоделась в тонкую ночную рубашку. Она была лёгкой, почти невесомой, мягко касалась кожи и приносила долгожданное ощущение покоя. Сняв украшения, я аккуратно разложила их на столике, будто боялась на-

рушить тишину.

Подойдя к кровати, я откинула покрывало и легла, подтянув под себя подушки. Простыни были прохладными и свежими, они приятно контрастировали с теплом тела. Я устроилась поудобнее, свернулась на бок и обняла подушку, чувствуя, как постепенно расслабляются плечи и спина.

Взгляд скользнул по потолку, задержался на колышущейся тени от занавески, и только тогда я позволила себе закрыть глаза, снова возвращаясь мыслями к прошедшему вечеру... к Ноа.

Я всё ещё не могла выкинуть его из головы. Его взгляд, спокойный и такой глубокий, словно пытался прочесть меня насквозь. Его улыбка, едва заметная, холодная и одновременно вызывающая доверие. И тот демон, что выскользнул из его рукава... Всё это казалось таким необычным, почти нереальным.

Я пыталась понять его. Кто он на самом деле? Почему он так легко обращается с силами, которые для нас — невероятная магия? И почему, несмотря на всю эту странность, он не пугает меня, а наоборот — притягивает? Погружаясь в небытие, я надеялась, что завтра смогу снова встретиться с ним и узнать ответы.

Путру за завтраком меня ждал серьёзный разговор с матушкой. Мимо неё не прошло, что я явилась домой слишком поздно. Она сидела за столом, выпрямив спину и сложив руки на коленях. Рядом стояла чашка с нетронутым чаем, что

само по себе было тревожным знаком.

— Доброе утро, Виолетта, — произнесла она ровным голосом.

— Доброе... — тихо ответила я, присаживаясь напротив.

Несколько секунд мы молчали. Я взяла ложку, попыталась сделать вид, что меня интересует каша в тарелке, но руки слегка дрожали.

— Ты вернулась вчера почти в полночь, — наконец сказала матушка. — И это не первый донос от гвардии за последнее время.

— Мы просто гуляли с друзьями... — осторожно начала я. — Я была не одна. Всё было прилично.

— Я не сомневаюсь в твоей воспитанности, — перебила она мягко. — Я сомневаюсь в окружении, которое на тебя влияет.

Я подняла глаза.

— Они хорошие люди, правда, — поспешно сказала я. — Добрые, искренние... Они приняли меня, да и знаю я их с детства.

Матушка внимательно посмотрела на меня, будто стараясь разглядеть не только мои слова, но и чувства за ними. Повисло молчание, в котором у меня вдруг засвербило в горле, и пришлось закашляться.

— Ты в последнее время стала сильно уставать, — наконец произнесла она, чуть смягчив тон. — Кажешься бледной, синяки под глазами. Ты ведь понимаешь, что я волнуюсь?

— Мне уже лучше, правда. Море и воздух помогают. Я почти не чувствую слабости, и кашель очень редко.

— «Почти» — не то слово, которое меня успокаивает, — вздохнула матушка. — Ты слишком стараешься делать вид, будто всё в порядке.

— Я просто не хочу снова лежать целыми днями в комнате, — призналась я. — Там... тяжело. Кажется, будто жизнь проходит мимо.

Матушка слегка нахмурилась, но в её взгляде мелькнула жалость.

— Я понимаю, — сказала она мягче. — Но здоровье важнее любых развлечений. И ты для меня дороже всего на свете.

От этих слов в груди стало тепло и немного стыдно.

— Я стараюсь быть осторожной, — прошептала я. — Честно.

Она протянула руку и легко коснулась моей ладони.

— Тогда пообещай мне, что не будешь переутомляться.

— Обещаю.

Матушка ненадолго замолчала, внимательно глядя на меня.

— А эти твои друзья... — начала она осторожно. — Они хорошо к тебе относятся?

— Да. Они заботливые. Иногда даже слишком, — я тихо усмехнулась. — Мелисса постоянно следит, чтобы я не простыла, Филипп приносит сладости, Томас всё время напоми-

нает быть в тени.

— Вот и хорошо, — чуть заметно улыбнулась она. — Мне важно знать, что ты не одна.

Я почувствовала, как напряжение понемногу отпускает.

— Ты ведь счастлива сейчас? — вдруг спросила она.

Вопрос застал меня врасплох.

Я задумалась на мгновение, вспоминая смех на пляже, шум рынка, разговоры до заката... и зелёные глаза, в которых скрывалось что-то непонятное.

— Думаю... да, — ответила я честно. — Мне давно не было так легко дышать.

Матушка внимательно всмотрелась в моё лицо, а потом тихо сказала:

— Тогда я не буду тебе мешать. Только помни: дом всегда рядом. И я тоже.

Я сжала её руку в ответ.

— Спасибо, мама.

При дворе матушка всегда была строгой, сдержанной и почти неприступной. Я привыкла её побаиваться, взвешивать каждое слово, следить за каждым жестом, чтобы не разочаровать и не вызвать недовольства. Я была обязана подавлять и умирять свои эмоции, быть уравновешенной и не позорить её. Там, в столице, она прежде всего была королевой, и лишь потом просто матерью.

Но здесь, в Лиорене, рядом с морем и простыми людьми, в ней словно проснулась другая сторона: тёплая, заботливая

и внимательная. Та самая, которой мне так не хватало долгие годы. Без холодной дистанции, без придворных масок — только искреннее беспокойство и желание защитить.

И, пожалуй, именно сейчас я наконец почувствовала: рядом со мной не высокородная дама, а просто мама, которая боится за свою дочь. Хотелось, чтобы так было всегда.

Глава 7. Ноа

Угрызения совести были мне чужды. Я прекрасно понимал, что воровство считается чем-то недопустимым в человеческом обществе, но, если рассуждать рационально, не видел ничего противоречивого в том, чтобы забирать лишнее у тех, у кого и так всего в избытке. Особенно если эти средства потом идут на выживание.

К тому же мне было любопытно, как поведёт себя девица с такой странной и спокойной аурой. Испугается? Сдаст? Попытается разобраться? Всё это можно было рассматривать как маленький эксперимент, жестокий, возможно, но полезный.

В ломбарде украшение приняли без лишних вопросов. Старик за прилавком лишь мельком взглянул на браслет, провёл по нему лупой, проверяя пробу, и молча отсчитал мне нужную сумму. Деньги приятно оттянули карман — этой выручки мне должно было хватить ещё на пару недель.

Я уже собирался уходить, когда до моего слуха донёсся разговор у входа.

— Слышал? — вполголоса сказал какой-то мужчина в дорожном плаще, снимая капюшон. — К горам опять гвардейцы стянулись.

— Опять? — фыркнул хозяин ломбарда, убирая украшение в ящик. — Да что там на этот раз?

— Говорят, из пещер что-то вылезло. Несколько пастухов напугало до полусмерти.

— Демон, что ли? — недоверчиво протянул старик.

— А кто его знает. Но отряд уже ушёл. До рассвета ещё.

— Хм, — пробормотал хозяин, — беспокойно становится. Раньше тут тихо было.

— Времена меняются, — пожал плечами мужчина, — лучше держаться подальше от гор.

Я замер на мгновение, делая вид, что пересчитываю монеты.

Демон... Причём достаточно близко, чтобы заинтересовать гарнизон. Любопытно. Очень любопытно.

Эти существа были частью мира, частью природы. Можно сказать, животные, обладающие более развитым восприятием и умеющие управлять потоками так же, как и я, правда, по рождению. Точно так же, как ведьмы, целители имели прирожденный «талант». Но звери — на то и звери... Они руководствуются инстинктами, а избыток энергии доводил их до предела: голод, отстаивание территории, наслаждение от охоты. Оттого демоны были крайне опасны и неподконтрольны, настоящие монстры, толком не боящиеся ничего, сильные. Встречались исключения, конечно, но я пока не мог уложить это в голове. Мир явно не делился лишь на добро и зло.

Я вышел на улицу, вдохнул прохладный утренний воздух. В голове уже выстраивались возможные маршруты и вари-

анты. Похоже, ближайшие дни обещали быть куда интереснее, чем я планировал.

Возвращаться в городскую суету мне не хотелось, но и бродить без цели — тоже. Я свернул с главной улицы и направился к старому жилому дому на окраине, в подвале которого обосновался.

С виду здание выглядело вполне прилично: четыре этажа, побелённые стены, аккуратные ставни. Никто из жильцов даже не подозревал, что под ними обитает человек с демоном в рукаве и ножами под подушкой.

Я обошёл дом сзади и спустился по узкой каменной лестнице вниз.

Тяжёлая дверь подвала открылась с привычным скрипом. Внутри было прохладно и полутемно. Узкое оконце под потолком пропускало немного утреннего света. Запах сырости, пыли и старого дерева давно стал для меня почти родным.

Я вытащил свою сумку из-под нагромождения чужих забытых вещей. Внутри всё лежало на своих местах: два клинка в кожаных ножнах, метательные иглы, крюк с тонкой верёвкой, несколько амулетов — дешёвых, но надёжных, флага, свёрток с травами, стеклянные колбы с порошками.

Я методично проверил содержимое.

Переодевшись в плотную тёмную рубашку и куртку, я закинул сумку на спину и затянул ремни. Один клинок спрятал на поясе под рубашкой, другой — в тяжёлый и плотный

сапог. На побережье, конечно, жарко, но в горах всё будет иначе.

Я запер подвал, поднялся наружу и растворился в утренних улицах. Город только просыпался: торговцы раскладывали товар, пекари выносили свежий хлеб, по мостовой стучали первые повозки. Но мне было не до этого. Я держался окраин.

За воротами Лиорена дорога быстро превратилась в узкую каменистую тропу. Слева тянулся лес, справа поднимались холмы, за которыми начинались горы. Чем дальше я уходил, тем тише становилось: исчезли голоса, лай собак, пропал ветер, даже насекомые будто затаились.

Путь к горам и системе пещер, которую я отчасти уже изучил, был тяжёлым. Несколько часов пришлось подниматься, прежде чем впереди выросли серые склоны среди зелени, изрезанные расщелинами и чёрными провалами пещер. Никого из гвардейцев я по пути не встретил. Возможно, они уже где-то внутри.

Вытащил компас из кармана, что должен вывести меня на след. Его пришлось долго заряжать энергией, чтобы перебороть магнитное поле и заставить стрелку реагировать именно на демонов.

Я присел на ближайший камень, чтобы передохнуть, положил прибор на ладонь и закрыл глаза. Медленно втянул носом воздух. Собрал энергию в груди, позволив ей растечься по венам, начал чувствовать знакомое покалывание, лёг-

кое жжение под кожей, будто внутри просыпался кто-то ещё.

Из-под рукава показалась бордовая змейка, которая обви-
лась вокруг запястья, скользнула к компасу и коснулась его
раздвоенным языком.

Металл дрогнул, стрелка дернулась.

Раз. Второй. Третий.

Потом резко повернулась и застыла, указывая в сторону
узкого ущелья между двумя склонами.

— Ну вот... Нашёлся, — тихо выдохнул я. — Спасибо,
Уро.

Я убрал компас и поднялся.

Тропа в ущелье была едва заметной: осыпавшиеся камни,
редкие следы сапог, сломанные ветки. Гвардейцы уже про-
ходили здесь. Плохой знак.

Пришлось стараться ступать осторожно, не сдвигая кам-
ни. В горах любой звук разносится слишком далеко. Чем
глубже я заходил в ущелье, тем сильнее менялось ощущение
пространства: возвышающиеся вокруг горы пропускали
внутрь мало солнечного света, воздух становился тяжелее,
суше, с примесью чего-то кислого и горького. Запах страха.
Крови. Демона. Я поморщился.

— Значит, ты уже поел...

Я двигался вперёд, пока меня не заставил замереть глухой
металлический звон, а потом — приглушенный крик. А по-
сле тишина снова сомкнулась вокруг. Компас в кармане дро-
жал. Стрелка билась о стекло, будто хотела вырваться нару-

жу. Очень близко. Змея скользнула по предплечью и застыла, приподняв голову — тоже почувствовала.

— Не высовывайся, — прошептал я ей, — пока.

Я шёл дальше, осторожно заглядывая в ходы ущелья и поглядывая на следы сапог под ногами. Нельзя, чтобы гвардейцы меня увидели, но демона упускать не хотелось.

Внизу, в узкой каменной чаше, зиял вход в пещеру. Около него лежало два свежих истерзанных людских трупа. Кажется, отряд не справился.

Я медленно спустился ниже, цепляясь за выступы и корни, стараясь не сдвинуть ни одного лишнего камня. Под ногами хрустел мелкий щебень, но звук тонул в глухом эхе ущелья. Чем ближе я подходил к пещере, тем сильнее становилось давление в груди — энергия вокруг была искажённой, словно пространство само сопротивлялось моему присутствию.

Тела лежали беспорядочно, как брошенные куклы. У одного был проломан шлем, у другого грудь разорвана так, будто по ней прошлись когтями. Кровь ещё не успела окончательно засохнуть, тянулась тёмными полосами по камням и уходила внутрь пещеры.

Я присел рядом с ближайшим гвардейцем и осторожно коснулся его шеи, проверяя пульс, хотя и без того понимал, что это бессмысленно. Холодная кожа подтвердила мои догадки.

— Плохо... — пробормотал я.

Отряд был немаленький. Судя по следам, здесь работали не меньше десятка бойцов. Хорошо вооружённых, обученных, привыкших к подобным заданиям. Остался ли кто живой? Чей вскрик я слышал?

С учётом того, что я вижу, демон был либо слишком силен, либо слишком умен.

Я выпрямился и огляделся. Следы боя тянулись по всей каменной чаше: обломанные мечи, погнутые ружья, сорванные с плеч плащи. В нескольких местах камни были оплавлены, будто их обжигали. Значит, существо не просто рвало и крушило, а ещё и владело потоками.

Змея на моём запястье беспокойно шевельнулась, сжимаясь плотнее.

— Мы справимся, — тихо сказал я.

Я осторожно приблизился ко входу в пещеру. Оттуда тянуло сыростью, гнилью и тяжёлой, вязкой энергией, от которой начинала болеть голова. Внутри было темно, но не абсолютно — где-то в глубине мерцал тусклый красноватый свет, словно под землёй тлели угли.

Компас в кармане уже не дрожал — он словно сошёл с ума. Стрелка крутилась без остановки.

Я поправил ремни сумки, проверил крепление оружия и медленно выдохнул, чтобы сосредоточиться. Перед самым входом я остановился и ещё раз оглянулся назад, на залитые кровью камни и безмолвные тела гвардейцев. Надеюсь, демон не сильнее тех, что я встречал на своём пути, иначе я

могу оказаться среди этих людей.

Почему-то в этот момент в голове неожиданно мелькнул образ Виолетты — её растерянный взгляд, дрожащие пальцы, когда она надевала обратно кольцо. Совершенно неуместное воспоминание, но оно упрямо не хотело исчезать.

— Не вовремя ты лезешь в голову... — пробормотал я.

Я схватил с пояса клинок, позволил энергии плотнее обвить тело и шагнул в темноту пещеры, понимая, что назад дороги уже не будет.

Внутри пещеры воздух оказался ещё тяжелее, чем снаружи. Он словно давил на грудь, мешая дышать полной грудью, пропитывал лёгкие сыростью и металлическим привкусом крови. Каждый шаг отдавался глухим эхом, расплывшимся по каменным коридорам, будто предупреждая кого-то о моём присутствии.

Свет снаружи быстро исчез за спиной. Пришлось зажечь слабый энергетический огонёк на ладони, тусклый, почти прозрачный, чтобы не выдать себя раньше времени. Его хватало лишь на несколько шагов вперёд, выхватывая из темноты влажные стены, свисающие сталактиты и неровный, изрезанный трещинами пол.

Запах усиливался. К гнили и сырости прибавился отчётливый дух смерти.

Первое тело я заметил почти сразу. Пёс. Один из служебных. Крупный, с короткой тёмной шерстью, в кожаном

ошейнике с гербом гарнизона. Он лежал у стены, вытянув лапы, словно пытался бежать даже после смерти. Грудь была разорвана, рёбра торчали наружу, а глаза потускнели, застыв в пустом взгляде.

Я невольно стиснул зубы.

Дальше трупов было больше — у стен, в проходах, у обвалившихся участков потолка. Кто-то был разорван, кого-то словно отбросило ударной волной о камень, ломая кости. На нескольких я заметил следы ожогов — тёмные, обугленные пятна на броне и коже.

Коридор постепенно расширялся, переходя в нечто вроде подземного зала. Потолок уходил вверх, теряясь во тьме, а стены были испещрены трещинами и древними символами, наполовину стертыми временем. Где-то капала вода, отбивая медленный, гнетущий ритм.

И тогда я услышал звук, слабый и почти неразличимый. Сначала мне показалось, что это просто эхо или игра воображения. Но я остановился и прислушался.

— ...Помогите...

Я резко повернул голову: голос доносился из-за каменного выступа слева. Медленно, стараясь не шуметь, я обошёл его — и увидел его... Гвардеец. Совсем ещё молодой. Лицо бледное, почти серое, губы посинели. Он сидел, привалившись к стене, и оставлял за собой кровавый след. Его доспех был разорван, под ним виднелась глубокая рана в боку, из которой медленно сочилась тёмная кровь, а одна нога была

неестественно вывернута. Парень едва держался в сознании, его глаза с трудом сфокусировались на мне, когда я подошёл ближе.

— Ты... — прошептал он. — Ты... не демон?..

— Пока нет, — тихо ответил я, присаживаясь рядом. — Дыши. Не трать силы.

Он судорожно сглотнул.

— Он... там... Уходи... — парень дрожащей рукой указал вглубь зала. — Мы... все... не смогли... Оно... слишком быстрое...

Я быстро осмотрел рану. Плохо. Очень плохо. Сильное кровотечение, повреждены рёбра, его аура уже начала угасать. Без помощи целителя он не протянет и часа.

— Помоги... — прошептал он, вцепившись пальцами в мой рукав. — Пожалуйста... Я не хочу... так...

В его глазах не было героизма. Только страх и отчаянная надежда. Я замер на мгновение. В голове вспыхнул образ ребят, Виолетты, слова из дневника ведьмы. Всё переплелось в один узел. Жизнь, существование... Даже для меня это было ценностью. А что испытывают обычные люди?

— Чёрт... — выдохнул я.

Я положил ладонь ему на грудь, собирая энергию.

— Слушай меня, — тихо сказал я. — Я попробую. Но ты должен держаться. Понял?

Он слабо кивнул.

— П... понял...

Я закрыл глаза и начал направлять потоки в его тело, понимая, что сейчас мне придётся сделать выбор: спасти его... или сохранить силы для встречи с демоном.

Я уже начал чувствовать, как энергия откликается на мой зов. Тёплый поток медленно стекался в ладонь, просачивался сквозь кожу гвардейца, пытаюсь закрыть разорванные сосуды, связать повреждённые ткани. Он наконец смог сделать нормальный вдох.

— Держись.

Кровотечение замедлилось. Еще несколько минут, и можно будет вывести его отсюда. Ещё несколько минут...

Воздух изменился.

Это было похоже скорее на внезапное ощущение, будто само пространство стало плотным и вязким. Всё вокруг искалось, словно кто-то грубо перекрутил потоки. В груди болезненно сжалось, сердце на мгновение сбилось с ритма. Я почувствовал, как Уро сильно обвил мое запястье.

Гвардеец широко раскрыл глаза.

— Он... Он здесь...

Из глубины пещеры донёсся глухой скрежет, будто огромные когти медленно царапали камень. Затем послышался влажный, чавкающий звук, словно кто-то жевал сырое мясо, не утруждая себя закрывать пасть.

Шаг. Ещё. Ближе.

Я обернулся, стараясь не терять сосредоточенности на исцелении паренька.

Из темноты выползло существо.

Сначала появились глаза — четыре алых огонька, расположенные парами, на разной высоте, будто у твари было два лица, наложенных друг на друга. Они мерцали, пульсировали, словно внутри них текла расплавленная лава.

Потом из мрака показалась голова.

Широкая, вытянутая вперёд, покрытая тёмной, растрескавшейся кожей, похожей на старую кору. Пасть была неестественно широкой, с несколькими рядами неровных, загнутых внутрь зубов. Между ними свисали клочья мяса — остатки прошлой добычи.

Я заметил язык. Длинный, раздвоенный, покрытый мелкими шипами. Он медленно скользнул по клыкам, собирая слюну.

Дальше появилось тело.

Огромное, горбатое, массивное, словно сложенное из чужих частей. Грудная клетка выпирала наружу, между рёбрами пульсировали тёмные прожилки. Спина была усеяна костяными наростами и изломанными шипами, будто кто-то пытался вырастить на ней доспехи из кости.

Передвигался демон на четырёх конечностях, но неестественно: передние лапы были слишком длинными, с суставами, выгнутыми под неправильным углом. Когти чёрные, полупрозрачные, похожие на застывшую смолу, они оставляли глубокие борозды в камне.

Задние лапы были мощнее, короче, будто предназначены

для прыжков.

Хвост длинный, хлыстообразный, с костяным жалом на конце, он медленно раскачивался из стороны в сторону.

От него исходила волна искажённой энергии. Воздух рядом дрожал, словно от жара. В горле першило, в висках пульсировала боль. Это был не просто демон. Это матёрый хищник, переживший не один десяток боев, обожравшийся и не чувствующий страха. Он заметил нас сразу, четыре глаза синхронно сфокусировались.

Раздался резкий визг, высокий, пронзительный, пробирающий до костей. От него в голове будто что-то лопнуло. Гвардеец вскрикнул и попытался отползти, цепляясь пальцами за камни и прервав исцеление.

— Нет... нет... — зашептал он.

Я резко встал на ноги и выставил перед демоном клинок.
— Назад!

Но существо лишь рванулось вперёд. Оно словно провалилось сквозь пространство и в следующее мгновение оказалось рядом. Удар был молниеносным — когти вспороли воздух и грудь гвардейца, кровь брызнула мне в лицо. Парень даже не успел вскрикнуть. Его тело дернулось, а потом безвольно обмякло в лапе чудовища.

Раздался хруст.

Демон сомкнул пасть, заглотив голову, и не обращал на меня никакого внимания... Оставил на десерт?

Я замер лишь на долю секунды, а потом сжал оружие.

— Теперь ты мой.

Демон жевал медленно, с влажным хрустом, будто смакуя добычу. Кровь стекала по его подбородку, капала на камень, оставляя тёмные пятна. Алые глаза на мгновение прикрылись — он наслаждался.

Я сделал шаг в сторону, стараясь не привлекать внимание звуком. Второй. Третий. Под ногами скрипнул камешек. Четыре глаза распахнулись одновременно. Он повернул голову слишком резко, неестественно, словно у шеи не было костей.

В следующую секунду пространство взорвалось жаром. Из пасти демона вырвался густой, тягучий, почти жидкий поток пламени. Он не просто жёг, он выжигал саму энергию, оставляя после себя пустоту. Камни под моими ногами зашипели, пошли трещинами. Я отскочил в сторону, перекашлялся, чувствуя, как жар лижет спину, и где-то в темноте потерял нож.

— Вот значит как... — выдохнул я, поднимаясь и подхватывая валяющийся гвардейский меч. Уро сорвался с запястья, скользнул по воздуху и, оставляя за собой багровый след, покинул меня.

Демон взревел и рванул ко мне. Я едва успел поднять клинок, когда когти ударили сверху. Металл застонал. Удар отбросил меня к стене, воздух выбило из лёгких, в глазах потемнело.

— Сильный... — прошипел я. Слишком мощный удар для обычной твари.

Демон вдохнул, и я почувствовал, как потоки вокруг собираются в одной точке, в его пасти, превращаясь в огненный сгусток.

— Не сейчас.

Я вскинул руку. Собственная энергия рванула наружу через кольцо, сплетаясь в щит. Полупрозрачная пленка вспыхнула передо мной в тот же миг, когда пламя ударило. Огненная волна накрыла меня, щит затрещал. Боль пронзила руку, будто её сунули в раскалённый металл. Я стиснул зубы, удерживая структуру, но камень в кольце начал трескаться.

Пару секунд.

Больше нельзя.

Я бросился в сторону, позволив щиту рассыпаться. Пламя ударило в стену, выбив куски камня. Пещера содрогнулась.

— Хорошо... — выдохнул я, — тогда по-другому.

Я закрыл глаза. Мир вокруг поблёк, звуки отступили, остались только потоки. Сила демона была чудовищной: спутанной, грубой, переполненной яростью и жадой. Но внутри нее, глубоко, пульсировала сердцевина — ядро души, я его почувствовал. Вот ты где.

— Уро, вперёд!

Змея появилась из воздуха, обвив шею демона, и вцепилась в него клыками. Тварь взвыла, из её пасти вырвалось пламя, беспорядочно ударяя в потолок.

Я рванулся вперед. Каждый шаг отдавался болью, лёгкие горели, кожа чувствовала жар, будто я бежал сквозь костёр.

Демон ударил лапой, но я проскользнул под ней, полоснув мечом по сухожилию. Черная кровь брызнула, испаряясь в воздухе, существо склонилось передо мной.

И тогда я увидел её — душу. Сгусток света, искривлённый, тёмно-красный, с прожилками чёрного. Она билась внутри грудной клетки, словно пленённая звезда.

— Попался... — прошептал я.

Я вонзил руку в его грудь, выплёскивая весь остаток сил. Адская боль полоснула по нервам — тысячи раскаленных игл впились под кожу. Чужая ярость хлынула в сознание: образы охоты, крови, пожаров, криков, я едва не потерял контроль.

Мне пришлось собрать всю волю, всю энергию, чтобы выдернуть душу на себя. Демон заревел, отчего заложило уши. Его тело начало корчиться, трескаться, словно оболочка не выдерживала давления. В отличие от людей и животных, демоны не могли существовать без души, их тела настолько изранены лишней энергией, что без её поддержки рассыпаются.

Свет в груди твари вспыхнул, я дёрнул руку сильнее, и нутро вырвалось наружу. Существо рухнуло на камни, чудом не навалившись на меня, а в моей руке осталась пылающая жемчужина размером, как крупная черешня, обжигающая кожу.

— Вот и конец, — прошептал я сквозь сбитое дыхание.

Уро сразу покинул тело демона и вернулся в мой рукав,

растворяясь в моей энергии. Я чувствовал, как он ослаб, спать и восстанавливаться будет долго.

— Теперь самое неприятное. — я оглядел жемчужину в руке — душу демона, которая продолжала жечь кожу. А после, не медля, закинул её в рот и проглотил. Та сразу обожгла мне язык и горло, чуть не застряв комом, что заставило закашляться и припасть к ближайшей стене. Голова закружилась.

— Пора уходить... — я откинул гвардейский меч и огляделся вокруг в поиске своего кинжала. Взгляд быстро зацепился за знакомое лезвие, слегка поблескивающее в мраке пещеры. Собравшись с силами, я отстранился от камня, подобрал свой нож и двинулся на выход.

Глава 8. Виолетта

У меня накопилось очень много вопросов. Я надеялась увидеть Ноа на следующей нашей прогулке, но он пропал. Целую неделю ни я, ни ребята о нём ничего не слышали. Мы даже заглянули в гостиницу, где он должен был жить со своим отцом, но владелец отмахнулся, сказав, что о своих жильцах говорить не будет.

Я не стала никого тревожить своими мыслями, но последние дни спала плохо. Отчего-то за юношу болело сердце; в голове я прокручивала самые мрачные сценарии его жизни. Он явно что-то скрывал и лгал, но почему?

С ребятами я продолжала гулять каждый день и, стараясь не беспокоить матушку, возвращалась домой до заката. Вечера скрашивала рисованием, но оно плохо отвлекало меня от мыслей. Часто мы сидели на главной площади у фонтана, просто болтали, шутили и смеялись. Так могли пролетать часы, и время совсем не замечалось.

— Привет. — Чужой голос совсем рядом неожиданно заставил всех замолкнуть. Сердце ёкнуло: Ноа... Я боялась, что он мог уехать, а я так и останусь со своими вопросами и переживаниями.

— Ты где пропадал?! — Филипп первым поймал его и приобнял за плечи. У ребят, в отличие от меня, тревожных мыслей на его счёт не было.

— Был на охоте. — Ноа улыбнулся, и его взгляд скользнул ко мне. Я невольно напряглась, почувствовав, как мурашки пробежали по телу под влиянием его зелёных глаз. Они были такими спокойными, будто пытались прочесть меня насквозь, и вместе с тем необычно тёплыми, словно могли коснуться самой души.

Я опустила взгляд на руки, стараясь спрятать дрожь, но он тихо усмехнулся, словно заметив моё волнение.

— И как оно, кого поймали? — с открытым интересом спросила Мелисса.

— В этот раз неудачно вышло. Пара фазанов, пара кролей... ничего такого. — я уловила в его тоне заминку и снова на него взглянула. Ноа почему-то выглядел болезненно...

— Пойдёмте поужинаем. Засиделись уже, — прервала разговор Августина. Кажется, она ждала удобного момента, чтобы увести компанию от общих тем.

— А мне уже пора, — отозвался Ноа.

— Что!? Куда? — Мелисса вскинула брови и вскочила с бортика фонтана, хватая его за предплечье.

— Устал. Хочу спать.

— Ну побудь с нами ещё немного...

Повисло молчание. Ноа буквально уставился на меня, и я почувствовала, как к лицу приливает кровь. Сердце забилось быстрее. Может, я выдумываю, но вдруг он подошёл к нам только ради меня? Иначе зачем так смотреть и так быстро уходить? Может, ему стыдно за браслет... Он словно ждал,

что я скажу что-то... Но я молчала.

— Нет, пожалуй, пойду, — со вздохом сказал он, отшагнул от Мелиссы и махнул рукой на прощание, а затем двинулся прочь.

— Что это с ним? — спросил Томас.

Так я не получу ответы на свои тревоги. Я оглядела ребят и поднялась на ноги, поспешив следом за юношей.

— Ноа!

Он притормозил и обернулся не сразу. Не задавал вопросов, а лишь изогнул бровь, когда я подбежала ближе и остановилась перед ним, тяжело дыша.

— Ты ведь не был ни на какой охоте, да?..

— Почему это? — тон был спокойным, даже холодным.

— Ну... Было видно, что ты врёшь.

От такой прямолинейности повисло недолгое молчание. Я старалась смотреть на Ноа с полной решимостью и пыталась уловить малейшую эмоцию. Весь остальной мир в этот миг словно притих.

— Но я вправду был на охоте, — он покачал головой.

— На животных? — я изогнула бровь. — Или на чужие украшения?

Вместо вины или грусти я увидела, как Ноа повеселел, а потом вдруг рассмеялся. Я... Впервые слышала его смех. Отчего-то это заставило меня растеряться.

— Возвращайся к остальным, лапушонок.

Меня должна была возмутить такая фамильярность, но

почему-то от него это не звучало оскорбительно.

— Это будет глупо. Я сказала, что мне нужно домой, — я нагло соврала. Ребята наблюдали за нами, так и не сдвинувшись с места.

— Так иди домой. — он усмехнулся. — Не стоит тебе интересоваться чужаками.

— Вообще-то ты украл мой браслет! — меня возмутило, что он говорил со мной так пренебрежительно.

— Не помню такого. — Я проигнорировала это.

— Ты странный. Но... почему-то я не могу о тебе не думать.

Смысл моих же слов, точнее их двусмысленность, до меня дошёл не сразу. Я невольно шлёпнула себя по щеке, пытаюсь понять, как оправдаться. Меня интересовали тайны, а не... а точно ли только тайны?

— Ты милая, правда, — сказал Ноа после паузы, так и глядя на меня. — Но все тут не твоего поля ягоды.

— Я знаю. — Я вздохнула, беря себя в руки. Нужно сделать вид, что никакой двусмысленности тут не было. — Но так ведь интереснее?

— Душа потом болеть не будет за брошенных тут друзей? — Кажется, он понял меня как надо.

— Мне ведь ничего не мешает общаться с ними после. Я могу приезжать сюда каждое лето.

— Это пока не съест политика и не придётся выйти замуж. — Я напряглась. Он узнал мой титул? Меня и вправду на-

верняка выдадут замуж, исходя из выгоды... И не факт, что мой супруг позволит мне такую свободу, какую Король дает матушке. — возвращайся к ребятам.

Я глубоко вздохнула и оглянулась на компанию друзей. Меня выдадут замуж... Я совсем забыла, кто я. Отчего-то в груди встал ком, глаза защипало. Стало тошно от мысли, что то, что происходит сейчас, — лишь короткий миг, а потом, когда я вернусь в столицу, подобной свободы у меня уже не будет. Матушка... Мне стоит поблагодарить любимую матушку за то, что дала возможность пожить вольной птицей перед совершеннолетием.

Вместо возвращения к ребятам я обогнула Ноа и направилась к улочке, ведущей к побережью. Он был прав: у меня будет болеть душа... Я не хотела, чтобы кто-то сейчас видел мои слёзы от внезапного осознания. Извинюсь за это потом.

Вскоре я поняла, что слышу шаги прямо у себя за спиной, и обернулась.

— Зачем ты идёшь за мной?

Ноа тоже взглянул на меня.

— Провожая. Я тебя обидел?

— Это необязательно. — Я качнула головой и огляделась.

Гвардейцев сегодня в городе было подозрительно мало.

— Мне всё равно.

Я глубоко вздохнула, опуская взгляд под ноги.

— Ты ведь мне ничего не расскажешь?

— А что я должен рассказать?

— Зачем ты украл мой браслет?

— Ты же понимаешь.

— Нет. — Я снова обернулась на него. — Не понимаю.

Ноа снова отрешённо смотрел на улицу, словно я разговаривала не с ним. Он почти не выражает эмоций... Странный. Ответа я не услышала. Юноша зацепился взглядом за особняк в отдалении.

— Каково там жить? — Я сначала не поняла, о чем он говорит.

— Не знаю... Привычно. А ты?.. Где ты сейчас живёшь? В той гостинице?

— Нет. — Он пожал плечами. — В одном доме, ближе к окраине, у гор.

— У кого-то в гостях? — Я чувствовала, как неохотно Ноа отвечает. Но не могла не задавать вопросы.

— Можно и так сказать.

— А твой отец? — тихо спросила я. — Он там с тобой живёт?

— Живёт. — После короткой паузы добавил: — Когда вообще бывает дома.

— Вы близки?

— Не особо.

— Он тоже владеет магией?

— Да.

— А твоя... мама?

— Перестань, — он сказал это так резко, что я поджала

губы и непонимающе уставилась на него. — Слишком много вопросов.

— Я просто хочу тебя понять...

— Вот это и есть проблема, Виолетта, — тихо сказал он.
— Меня не стоит понимать.

— А если я всё равно попытаюсь?

Ноа усмехнулся и остановился около калитки территории особняка.

— Тогда готовься узнать вещи, которые тебе совсем не понравятся.

Я тоже остановилась и обернулась к нему, заглянув в глаза.

— Спасибо, что проводил.

Юноша кивнул, чуть улыбнувшись, и просто развернулся, двинувшись назад в сторону городка.

— Хорошего вечера, лапушонок.

— Хорошего вечера... — тихо и со вздохом отозвалась я и поспешила к особняку, миновав калитку. Сердце от этой встречи стало лишь беспокойнее.

Глава 9. Ноа

Холодно. Сырой камень под спиной, тяжёлый воздух в лёгких, горло саднит, будто я долго кричал. Я пытаюсь пошевелиться — и не могу. Тело не слушается, будто меня привязали к самому воздуху. Я дёргаюсь, инстинктивно тянусь руками вниз, но пальцы хватают лишь холодный мрак. Меня сковал ужас.

— Мама... — вырывается у меня тихо. — Мамочка!

Голос звучит тонко, слабо и чуждо. Вокруг — тусклый свет и три фигуры. Они неподвижны, закутаны в длинные тёмные мантии. Держатся за руки, морицистые и костлявые. Лица закрыты гладкими масками без рта, без эмоций — только узкие прорезы для глаз, в которых мерцает мутный красноватый блеск.

Пытаюсь вдохнуть глубже — не получается. Грудь словно сжали железным обручем.

— Отпустите... — шепчу я. — Помогите...

Они не отвечают. Начинают петь. Голоса звучат одновременно, сливаясь в вязкий, липкий шёпот. Слова чужие, острые, режущие слух, будто их специально придумали, чтобы было больно слушать.

— Ка'риэль... нок'тар... сазлин... — тянется из-под масок.

Звук проникает в голову, в кости, в сердце. Внутри что-

то сжимается и взрывается болью. Я вскрикиваю.

Кажется, будто меня разрывают изнутри. Живот скручивает, в груди жжёт, позвоночник ломит так, будто его вывернули. В глазах темнеет, слёзы текут сами собой.

— Больно! — кричу я. — Мама! Мама!

— Нет! — Голос... Родной. Я поворачиваю голову, пытаюсь взглянуть в темноту сквозь пелену слез. Она там. Связанная, бледная, с растрёпанными волосами, в порванном платье. Лицо мокрое, губы дрожат, глаза... В глазах холодный ужас.

— Мама! — Я продолжаю кричать сквозь боль, в ушах пульсирует кровь. Зажмуриваюсь, мечтаю, чтобы пытка закончилась.

— Нет! Хватит! — Её голос срывается, отражаясь от стен гулким эхом.

Выстрел.

Он заставляет меня открыть глаза.

Я вижу тело матери.

Алое пятно медленно расползается по полу.

Мой крик тонет в мантре.

Боль внутри становится невыносимой.

Жар. Свет. Тишина.

Потом всё обрывается.

В голове звон. Я лежу на земле, холодной и влажной. Под щекой мох, пахнет сыростью и гнилью. Вокруг — лес. Угрюмые деревья, чёрные тени, сквозь ветви просачивается блед-

ная луна.

Медленно поднимаю голову и вижу перед собой морду. Огромную, чёрную морду со светящимися глазами и острыми клыками, с которых слюна капает прямо на меня. Демонический волк. Он наклонился ниже, нюхает меня, горячее дыхание обжигает кожу. Я нащупываю ветку рукой и сжимаю её в ладони. Волк скалится и начинает рычать перед нападением, но... Я бросаюсь на него первым и всаживаю ветку ему в глаз. А внутри... ни страха, ни боли, ни сожалений.

Я проснулся в холодном поту со сбившимся дыханием. Резко сел, озираясь по сторонам. Всё оставалось на месте: низкий каменный потолок, узкое оконце под самым сводом, сквозь которое пробивались тонкие полосы солнечного света, старая софа с потёртой обивкой, грубый стол у стены. Я сжал ладонь на груди, пытаюсь унять бешеный стук сердца. Нутро почти сразу стихло, возвращаясь к привычной пустоте, но это было очень странно...

— Что за... — Я сразу потянулся к Уро, спавшему где-то внутри меня, но тот не отозвался. Значит, дело не в нём.

Я решил не пропускать такое событие, и сразу направился к столу, где открыл блокнот и начал записывать очередную заметку. Такой сон... Почему вдруг прошлое решило мне присниться? Это было так давно... Не думал, что моя память хранит такие подробности минувших дней.

Впрочем, я ощущал себя странно и тогда... Двое суток назад, когда Виолетта начала меня расспрашивать обо всём. Она понимала, что я что-то скрывал, и отчаянно хотела выяснить правду. Хотя правда или ложь с моей стороны никак не влияли на короткие встречи и моё наблюдение за людьми.

И всё же она удивительна... Наверное, её спокойная аура — следствие возраста и того, что всю жизнь она провела в тепличных условиях, не зная реального мира и не чувствуя боли. Но всё равно это уникально. Она не зазналась, не избаловалась властью, она просто... Хотела жить. Каково это?

Закончив запись, я закрыл блокнот и отодвинул его к краю стола. Вчера я пересёкся с Томасом, и тот сообщил, что все ребята собрались пойти в горы, к местным водопадам. Возможно, и мне стоит подышать свежим воздухом, ведь с момента последнего поглощения души демона я почти не выходил на улицу.

К полудню я добрался до опушки леса. Солнце пробивалось сквозь листву, воздух пах хвоей и прогретой землёй. Компания уже была в полном составе: Томас что-то увлечённо рассказывал, Филипп подшучивал, Мелисса смеялась, Августина проверяла рюкзак, Виолетта сидела на бревне и слушала улыбаясь.

Я остановился на секунду, наблюдая со стороны, потом поправил ремень сумки и направился к ним.

— Ого, ты всё же пришёл! — первым заметил меня Томас.
— Мы уже думали, ты снова исчезнешь.

— Почти исчез, — лениво отозвался я. — Однако передумал.

— Сам? — прищурилась Мелисса. — Или тебя кто-то уговорил?

— Меня сложно уговорить.

Виолетта подняла на меня взгляд. На мгновение будто растерялась, а потом улыбнулась.

— Я рада, что ты пришёл, — сказала она тихо.

От этих слов внутри что-то снова дрогнуло, и мне это совсем не понравилось.

— Ну что, — хлопнул в ладони Томас, — идём? Если не тормозить, окажемся у водопадов через час.

— А если тормозить? — уточнил я.

— Тогда через два.

— Значит, не будем, — подвела итог Августина.

Мы двинулись вглубь леса.

По дороге я старался поддерживать разговоры, подхватывал обрывки бесед, шутил, помогал ребятам преодолевать каменистые склоны и обходить густые заросли. Тропа, ведущая к водопадам, казалась давно забытым маршрутом: местами её почти полностью поглотила трава, корни деревьев выпирали наружу, а камни под ногами были скользкими от мха.

Вскоре мне начало казаться, что эта затея не закончится ничем хорошим. Девушки постоянно запинались, чудом не раздирая ноги о ветки и острые камни, а парни лишь под-

начивали их и шутили, вместо того чтобы проявить внимательность. Виолетта держалась лучше остальных, старалась идти уверенно, но и она иногда оступалась. В такие моменты я невольно подхватывал её за локоть, не давая упасть. Как она вообще согласилась на это? Кроме нас тут никого не было, но в том и дело. Никто из гвардейцев не шёл за нами. Они упустили свой объект.

Мы вскоре вышли к ручью. Узкая лента прозрачной воды пробиралась между камней, тихо журчала, отражая солнечные блики. Дно было усыпано гладкой галькой, кое-где русло расширялось в небольшие заводи, где колыхались водоросли и мелькали серебристые тени мелкой рыбы. По берегам росли папоротники и дикие цветы, а над самой поверхностью воды порхали стрекозы с прозрачными крыльями.

Перейдя поток по крупным камням, мы начали подниматься выше. Подъём оказался долгим и утомительным: тропа вилась между валунами, иногда резко уходила вверх, заставляя цепляться за корни и выступы. Ноги быстро наливались тяжестью, дыхание сбивалось, но никто не жаловался. Азарт и хорошее настроение гнали вперёд.

Наконец впереди послышался глухой шум воды.

Водопад оказался не таким мощным, как можно было ожидать. Жара и засуха в последние дни сделали своё дело. Поток был узким, но всё равно красиво спадал с каменного уступа, рассыпаясь на брызги и собираясь в небольшом озерце внизу. Вода в нём была прозрачной, с лёгким голубо-

ватым оттенком, а весь берег вокруг густо зарос белыми колокольчиками, покачивающимися от малейшего дуновения ветра. Место выглядело почти сказочным.

Девушки сразу засуетились. Они расстелили пледы на траве, начали доставать свёртки и узелки с едой. Появились фрукты, хлеб, пироги, сыр, сладости. Они всё аккуратно разложили, будто готовились не к обычному пикнику, а к маленькому празднику. Мелисса хлопотала больше всех, отдавая указания и смеясь, Виолетта помогала ей, а Августина тихо расставляла кружки, стараясь никому не мешать.

Парни тем временем достали бутылки с алкоголем и начали их вскрывать, споря, с чего лучше начать и кто первый нальёт.

Я бросил сумку рядом с пледами, выудил из неё спички и, не теряя времени, отправился собирать хворост. Вечером станет прохладнее, да и дым поможет отпугнуть мошкарку и дикое зверье.

В поисках сухих веток я обошёл окрестности, заглядывая за камни, в заросли, к склонам, прислушиваясь к каждому шороху. Мне важно было убедиться, что поблизости нет ничего опасного. Ни зверей. Ни чужой энергии. Ни следов, которые означали бы, что мы здесь не одни.

Когда я вернулся, Мелисса сразу всунула мне в руку стакан с алкоголем. Я машинально поблагодарил её и попытался вникнуть в разговор. Ребята обсуждали какие-то городские сплетни: кто с кем поссорился, кто прогорел на рынке, у ко-

го снова проблемы с долгами. Слова проходили мимо ушей, потому что взгляд сам собой зацепился за Виолетту.

Она сидела чуть в стороне, молчала, но задорно смеялась над чужими шутками, иногда делая глотки из стакана. Кажется, я ещё ни разу не видел, как она пьёт... Судя по яркому оранжевому цвету, у неё в руках был сок.

— Говорю тебе, он опять продал тухлую рыбу и клялся, что она свежая, — возмущённо рассказывал Филипп.

— Да ладно, он так каждый сезон делает, — фыркнула Мелисса. — И каждый раз находятся те, кто верит.

— А потом жалуются, что их обманули, — добавил Томас, вызывая общий смех.

Я лишь слабо улыбнулся, не особо вникая в суть беседы, и, воспользовавшись моментом, отошёл ближе к озерцу.

Игнорировать то, что со мной происходит, я уже не мог. Внутри что-то изменилось. Нужно было разобраться в себе, пока это не вызвало проблем.

Я присел у воды на корточки и коснулся поверхности пальцами, ощущая прохладу. Почти сразу потянулся к Уро, как и утром. Тот любил чистую, холодную воду... и в этот раз отозвался. По руке пробежал знакомый холодок, и вскоре из рукава выползла бордовая змейка, сразу скользнув в озерцо.

— Зачем следишь? — спокойно спросил я, даже не оборачиваясь. Я почувствовал её присутствие ещё минуту назад.

— Интересно, — ответила Виолетта и присела рядом, внимательно наблюдая за Уро. — Почему ты вообще взаи-

модействуешь... с демонами?

— Я его случайно спас, можно сказать, — пожал плечами я. — Сам ко мне привязался.

Уро в это время извернулся в воде и ловко схватил какого-то тритона, сразу начав его заглатывать.

— Ты всех демонов спасаешь? — в голосе прозвучало напряжение, и я почти физически почувствовал её взгляд.

— Нет, вообще наоборот, — я изобразил усмешку и откинулся назад, усаживаясь на траву. Виолетта сразу устроилась рядом.

— В смысле?

— Я... охочусь на них.

Она уставилась на меня с откровенным удивлением.

— На них?

Объяснять я не стал. Лишь коротко угукнул, протянул руку к воде, и змея тут же подплыла ближе. Вскоре Уро выбрался на моё запястье и снова исчез в рукаве рубашки.

— Боишься?

— Нет. Да. Ну... Немного. — Я взглянул на неё и почувствовал странную, но приятную тяжесть в груди от её ответа. Забавно.

— Он безобиден. И совсем ручной.

— Совсем ручной?

— Да. Как котёнок.

— На котёнка он, конечно, мало похож, — улыбнулась Виолетта. — А имя у него есть?

— Не суди по внешности. Уроборос.

Она замолчала, перевела взгляд на водопад, будто провалилась в собственные мысли. Я наблюдал за тем, как солнечные блики играют в её волосах, и сделал глоток из стакана.

— Почему ты не пьёшь алкоголь? — вдруг спросил я.

— М?

— Что не так с алкоголем?

— А... это. — Она немного смутилась. — Я болею. И боюсь, что от него может стать хуже.

— Болеешь?

— Зимой мне было очень плохо. До сих пор иногда тяжело дышать.

Я кивнул, задумавшись. Теперь многое становилось понятнее: и её кашель, и то, как часто она присаживается отдохнуть. И надо же было ей сегодня лезть в горы...

Мы помолчали несколько минут. Возвращаться к ребятам не хотелось. Ей, похоже, тоже.

— Почему ты за мной увязалась? — всё же спросил я.

— Не знаю, — ответила она и замолчала, а потом тихо добавила: — Как я уже говорила... почему-то не могу выкинуть тебя из головы.

— Любишь притягивать неприятности, — усмехнулся я.
— Зато весело живётся.

— Не сказала бы.

На её лице мелькнула грусть. Она опустила взгляд, срывая травинку.

— А тебе что-то не нравится в жизни?

— В целом, всё нравится. Но... При дворе хотелось бы больше... Свободы.

— Не будет свободы, когда все твои потребности закрывают другие, — спокойно сказал я. — При свободе всегда чего-то не хватает.

— Возможно, — она пожала плечами. — Но некоторыми вещами можно пожертвовать.

— Например?

— Я бы предпочла жить не при дворе, но выйти замуж за любимого, а не по расчёту, — призналась она. — Хотя понимаю, что родители найдут мне «достойного» мужа.

Кажется, я действительно задел её тогда этой темой. Она явно думала об этом все эти дни.

— Говорят, любовь — дело наживное.

— Возможно. Но хотелось бы от начала и до конца...

— Думаешь, твою волю никто слушать не будет?

— Не знаю, — тихо ответила она. — И не знаю, в каком статусе приеду в следующем году... и приеду ли вообще.

Я промолчал, позволяя разговору угаснуть.

— Ты когда-нибудь влюблялся? — вдруг спросила она.

— Нет.

— Понятно. Я тоже.

Я посмотрел на неё и хотел что-то сказать, но в этот момент сзади раздался громкий оклик ребят, прервавший нас обоих.

Виолетта сразу поднялась на ноги и направилась к компании, а вскоре опустилась на плед среди девчонок. Я тоже вернулся, разместившись рядом со всеми. Мелисса сразу придвинулась ко мне и положила голову мне на плечо.

— Ну и зачем вы туда уходили? — Я ощутил нотки неприязни в её голосе.

— Поболтать.

— Лучше бы с нами поболтал. — Она надула губы, а я невольно взглянул на Виолетту, что сразу отвела взгляд.

— С вами было неинтересно. Вы о своём.

Мелисса показательно хмыкнула и отвернулась. Но её голова продолжала лежать у меня на плече. Я не противился, наблюдая за болтовней и Виолеттой, которая отчего-то стала вдруг отрешённой.

— Мне пора домой, — заявила та где-то через полчаса.

— Что? Почему вдруг? — с задором переспросил уже заметно подвыпивший Филипп.

— Уже поздно, — мягко ответила Виолетта, поднимаясь с пледа. — И мне завтра рано вставать.

— Да ладно тебе, солнце ещё даже не село! — рассмеялась Мелисса. — Посиди ещё немного.

— Правда, мне нужно, — она улыбнулась, но в этой улыбке чувствовалась усталость. — Было очень здорово, спасибо вам.

Августина тоже поднялась и обняла её на прощание. Виолетта быстро собрала свои вещи, поправила волосы и на

секунду задержала взгляд на мне. В нём мелькнуло что-то неуверенное, будто она хотела сказать ещё что-то, но не решилась. Потом она отвернулась и направилась по тропинке вниз. И ведь никто даже не двинулся, чтобы проводить её. А мы еле сюда поднялись.

— Всем пока. — Я не стал утруждать ребят объяснениями и поднялся на ноги, подхватив сумку.

— Эй, ты куда? — удивилась Мелисса, тут же приподнимаясь. — Мы же только начали нормально отдыхать.

Я смолчал, двинувшись следом за девушкой.

— Ноа! — раздражённо окликнула она мне вслед. — Ты серьёзно сейчас?

Я снова ничего не ответил.

Шёл быстро, почти догоняя Виолетту. Тропа была узкой, местами скользкой, и она старалась ступать осторожно, придерживая подол платья. Услышав шаги за спиной, она обернулась.

— Ты чего? — удивлённо спросила она. — Разве тебе не хорошо с остальными?

— Не в этом дело, — ответил я, поравнявшись с ней. — Ты ушла какая-то... не такая. И тут небезопасно.

— Просто задумалась. — Она слабо улыбнулась.

— И поэтому решила идти одна через лес?

— Что со мной будет? — выдохнула она, и вдруг споткнулась, чуть не полетев вниз со склона. Я мгновенно схватил её за предплечье и подтянул к себе.

— Много чего.

Она промолчала, нахмурившись, будто я сделал что-то неправильное, но не отошла, наоборот — слегка обвила мою руку и зашагала дальше, стараясь идти осторожнее.

— Ты сегодня другой, — тихо сказала она.

— Может быть, — ответил я, почти шёпотом.

Я чувствовал, как она прижимается ко мне ближе, когда тропа становилась слишком скользкой, слышал, как она напряжённо вздыхает, обходя колючие ветки, ощущал, как учащается её пульс каждый раз, когда она запинаясь.

Мы шли молча, не спеша, ни о чём не говоря. Я не сразу осознал, что смотрю на нее, не пытаюсь что-то понять или проанализировать, просто... наблюдал. Как тогда, на пляже, за закатом. Красиво.

Она отпустила мою руку, лишь когда мы вышли на опушку леса, и с улыбкой на меня обернулась. Мы стояли несколько секунд, глядя друг на друга, словно продлевая этот момент.

— Нужно домой, — повторила снова.

Виолетта шагнула в сторону города, я шёл немного позади. Когда показался особняк, она обернулась ещё раз, улыбнулась и кивнула.

— Увидимся.

— Увидимся, — отозвался я.

Я задержался на месте, глубоко вдохнул воздух и медленно повернулся обратно к городу, снова ощущая внутри пу-

стоту.

Глава 10. Виолетта

Его не было две недели. Срок, казалось бы, пустяковый, ведь ребята и раньше пропадали с радаров: Филипп зарывался в работу, Августина исчезала в своих таинственных делах, а Мелисса с Томасом порой просто не доходили до места встречи. На их фоне я казалась самой свободной — «тепличной» девушкой, которой не нужно было гнуть спину на заработках или хлопотать по хозяйству. Меня радовало, что друзья никогда не попрекали меня этим благополучием, принимая в свой круг как равную.

Я часто выходила на прогулки в одиночестве, чтобы запечатлеть пейзажи пляжа, просто полюбоваться видами или подышать воздухом.

В один из таких дней я заглянула к Мелиссе в пекарню — так можно было чем-то занять свободное время. Её родители оказались удивительно добрыми и улыбчивыми людьми: угощали меня ещё горячей выпечкой прямо из печи, рассказывали истории о городе и о своей молодости. Мне нравилось здесь бывать. Я сидела за крошечным столиком у окна, наблюдала за суетящейся Мелиссой, которая принимала заказы и раскладывала хлеб, пока её семья работала на кухне. Когда посетителей не было, мы переговаривались через всё помещение.

И днём зашёл именно тот, о ком я думала всё это время.

Тот, кто начал мне сниться.

— Привет, — негромко произнёс Ноа, останавливаясь у прилавка.

Я сразу заметила, как выражение лица Мелиссы сменилось с удивления на возмущение.

— Ты где пропадал?! — выпалила она, уперев руки в бока.

— Домашние дела, — спокойно ответил он, скользя взглядом по полкам.

Домашние дела... Я знала, что за этой маской скрывается нечто иное. Он охотится на демонов. Он не гвардеец. Он не ходит на такие задания в составе отрядов. Только он и его отец... или, может быть, ещё пара таких же безумцев. И всё же меня это восхищало. Его смелость. Его спокойствие. То, как он всегда держался, словно точно знал, что делает. Рядом с ним я чувствовала странную, невидимую опору. Я никогда прежде не испытывала ничего подобного рядом с человеком.

Но то, что было в лесу... Возможно, ему нравится Мелисса? Он пошёл провожать меня, да. Но он явно не отвергает её внимание. И Мелиссе он, очевидно, небезразличен.

Мне стоило бы отступить. Мой титул, моё положение — всё это делало подобные связи невозможными. Но от этой мысли становится так грустно... Матушка пришла бы в ужас от одной мысли о таком мезальянсе.

— Я переживала, — надулась Мелисса, разглаживая складки на фартуке. — Ты мог бы хотя бы предупреждать, если уходишь работать.

— Сообщу, когда буду свободен, — отрезал Ноа и кивнул на полку. — Один ржаной.

— Мы, кажется, отвлекаем Ноа от очень важных дел, — слова прозвучали резче, чем я хотела, почти с сарказмом. Мне самой стало не по себе. Видимо, меня задело то, как Мелисса с ним общается. От собственной дерзости я даже зашлась в коротком приступе кашля.

Юноша обернулся ко мне, и я покрылась мурашками под его взглядом. Казалось, до этой секунды он меня просто не замечал.

— Сегодня вечером будет время, — проговорил он. — Можно собраться.

— Чудесно! — Мелисса тут же оживилась. — Мы как раз собирались в таверну.

О её планах я слышала впервые. Я промолчала.

— Снова? — хмыкнул Ноа.

— Ну а что? Это весело! Поедим, поиграем в карты, потом прогуляемся. — Она протянула ему хлеб, завёрнутый в бумагу.

— И платить за всё опять будет Виолетта? — добавил он небрежно.

Я поёжилась от его тона.

Опять?

Да, иногда я угощала ребят: покупала лимонад, сладости, дарила безделушки с рынка. Но я никогда не думала, что это выглядит так... будто я их соержу.

— Что значит «платить»? — переспросила я, чувствуя, как краснеют кончики ушей.

— Твой сок не стоил двухсот крон, — спокойно ответил он.

Я растерянно перевела взгляд на Мелиссу. Та вдруг развила бурную деятельность, пересчитывая монеты, и старательно отводила глаза.

— Ну... — пробормотала я. — Мне не жалко. У меня ведь есть возможность...

— Дело твоё, — Ноа равнодушно пожал плечами и направился к выходу.

— В семь буду в «Солёном ветре», — бросил он через плечо. — Если захотите — приходите.

Дверь за ним закрылась, оставив в пекарне вязкую, уютную тишину.

Я не стала поднимать тему, которую затронул Ноа, ни с Мелиссой, ни позже, вечером, когда мы встретились с ребятами. Даже если меня обманывали, я верила, что это не со зла. Я жила совсем иначе и ни в чём не нуждалась, в отличие от них, и если могла хоть немного облегчить им жизнь, порадовать, сделать наши встречи приятнее — разве это плохо?

В таверну мы ввалились шумной гурьбой, припозднившись из-за Томаса. Внутри было шумно и душно, пахло жареным мясом, пряностями и алкоголем. За дальним столиком нас уже ждал Ноа. Мелисса, завидев его, первой рванула к столу, по-хозяйски занимая место рядом. Вскоре мы все

расселись: кто на скамьях, кто на стульях, кто вполоборота к соседнему столику.

Почти сразу к нам подошла официантка.

— Что будете заказывать? — спросила она, доставая блокнот.

Заказ превратился в суету. Филипп требовал мясо, Томас — что-нибудь покрепче, Мелисса долго колебалась между вином и сидром. Я выбрала сок и лёгкий ужин, а Ноа ограничился кружкой тёмного пива.

Когда официантка ушла, разговоры снова переплелись, каждый говорил о своём, смех то и дело перекрывал музыку.

Я невольно прислушалась к диалогу Ноа и Мелиссы, которые сидели напротив меня.

— Как твои дела? — она подалась к нему ближе.

— В порядке, — ответил он коротко, с натянутой улыбкой.

Почему-то мне показалось, что он лжёт. Я вдруг поймала себя на мысли, что совсем перестала его понимать.

— Не исчезай больше так, — Мелисса снова состроила свою «коронную» гримасу. — Без тебя здесь тоска.

— У меня есть свои дела, — вздохнул Ноа. — Да и компания из меня так себе.

— Как по мне, очень даже!

Я старалась не смотреть в их сторону и делала вид, что внимательно слушаю Филиппа и Томаса, обсуждавших какую-то историю с рынка. Но слова проходили мимо, будто

сквозь туман.

Внезапно я почувствовала на плечах чужую руку. Я вздрогнула и повернула голову. Филипп... Он сидел слишком близко и улыбался так, будто был ужасно доволен собой.

— Эй, ты чего такая задумчивая? — сказал он. — Сидишь, будто не с нами.

— Я... просто слушаю, — я попыталась осторожно отстраниться.

— Расслабься, — он чуть сильнее притянул меня к себе. — Лучше поболтай со мной. Я, между прочим, сегодня в отличном настроении.

Щёки вспыхнули от негодования и неловкости. Он никогда раньше не вёл себя со мной так. Это было слишком... неожиданно. И слишком показательно. Рядом с ним ощущалась тревога.

— Фил, не надо... — тихо попросила я, пытаюсь осторожно высвободиться.

— Да ладно тебе, — усмехнулся он, косясь на Мелиссу. — Ты сегодня особенно красивая. Тебе кто-нибудь уже говорил?

В этот момент к нашему столику вернулась официантка с подносом, уставленным кружками и стаканами. Она начала расставлять напитки, прерывая неловкую сцену.

— Ваш заказ, — сказала она, по очереди подавая нам кружки.

Я схватилась за стакан с соком, как за спасательный круг.

— Спасибо, — тихо сказала я.

Филипп, как ни в чём не бывало, приложился к своей кружке.

— Ну вот, — довольно заметил он. — Теперь совсем другое дело.

Я наконец смогла немного отодвинуться.

— Филипп, пожалуйста, — прошептала я, посмотрев на него серьёзно. — Мне некомфортно.

Он на секунду растерялся, но тут же снова улыбнулся.

— Ой, да брось. Я же просто шучу.

Руку он всё-таки убрал, но остался рядом. Я облегчённо выдохнула, машинально подняла взгляд и тут же встретила глаза с Ноа.

Он наблюдал. Не открыто — скорее украдкой, словно не хотел, чтобы я заметила. Но я заметила. В его взгляде было что-то напряжённое, тяжёлое, совсем не похожее на прежнюю спокойную отстранённость. Он тут же отвёл глаза и сделал глоток из кружки, будто ему вдруг стало важнее всего на свете именно это.

Сердце странно сжалось.

Я снова опустила взгляд на стакан, чувствуя, как внутри поднимается смущение, тревога и какое-то странное волнение, которому я пока не могла дать названия.

Я снова невольно прислушалась к разговору Ноа и Мелиссы. Их голоса стали тише, будто они не хотели, чтобы их слышали остальные.

— Ты меня совсем не знаешь.

— У нас ещё целая вечность, чтобы узнать друг друга...

— поспешно завершила Мелисса.

— И не чувствуешь, — продолжил он, качнув головой. — Я уеду в конце лета. Переключи внимание на ваших ребят.

— До конца лета ещё месяц! — возразила она с упрямой ноткой.

— Я не намерен с кем-то сближаться, — ответил Ноа жёстче, чем прежде.

Я украдкой взглянула на Филиппа. Он сидел рядом, уставившись в кружку, и выглядел подавленным. Теперь я понимала: каждое слово Ноа, обращенное к Мелиссе, било по нему не меньше, чем по ней самой. Его прежняя игривость исчезла без следа, а мне вдруг стало неловко. Я не знала, как его поддержать, что сказать, чтобы не сделать хуже. Да и имела ли я на это право?

— Смотрите, какую партию табака мы сегодня раздобыли! — воскликнул Томас, вырывая меня из мыслей. Он покрутил в руке крупную и плотную сигару, привлекая всеобщее внимание.

— Гадость какая, — Августина сразу сморщилась и чуть отодвинулась от него.

— Зато нервы успокаивает! — Филипп наконец оставил меня в покое и потянулся к другу, забирая у него сигару. Он повертел её в пальцах, принялся, будто знаток, а затем вытащил спички из кармана и, не раздумывая, закурил прямо

за столом.

— Филипп... — начала было Августина, но не успела договорить.

— Эй! — раздался раздражённый голос со стороны стойки. Владелец таверны уже спешил к нам. — Я сколько раз говорил: курить внутри запрещено!

Он окинул нас строгим взглядом, задержавшись на дымящейся сигаре.

— Или тушите немедленно, или выметайтесь на улицу.

Филипп вздохнул, закатив глаза, будто его несправедливо наказали.

— Ладно-ладно, не кипятись, — пробормотал он и поднялся со стула.

— Пойдём, — Томас хлопнул его по плечу. — Подышим свежим воздухом.

Ноа молча встал следом. Он мельком взглянул на Мелиссу, потом — на меня.

— Мы скоро, — бросил Филипп.

Дверь за ними захлопнулась, и в таверне стало заметно тише. Будто вместе с ними ушёл шум, движение, привычная суeta. Остались только мы: я, Мелисса и Августина. Запах табака всё ещё висел в воздухе, смешиваясь с ароматом еды и пролитого пива, и от этого мутило.

Мелисса нервно покрутила в пальцах соломинку, уставившись в свой стакан. А я поймала себя на мысли, что больше всего мне хочется узнать, о чём сейчас думает Ноа.

Когда юноши вернулись, Филипп демонстративно уселся рядом с Мелиссой, а Ноа, к моему изумлению, занял место подле меня.

Я украдкой взглянула на Мелиссу. Её лицо перекошилось от недовольства, губы сжались в тонкую линию, и мне вдру стало не по себе. Я снова оказалась где-то посередине чужих чувств, не понимая, как из этого выбраться.

— Ну, привет.

Я подняла взгляд на Ноа. От него не пахло дымом — видно, он просто стоял в стороне.

— При... вет? — мой голос прозвучал глупо и неуверенно, и я тут же мысленно отругала себя.

— Ты что, смутилась?

— Не ожидала внимания к своей персоне, — пробормотала я и только сейчас до конца поняла, о каких любовных треугольниках он тогда говорил.

— Может, я тебя обворовать хочу, будь начеку, — усмехнулся Ноа и подтянул к себе стакан.

— Не смешно. Как я могу тебе доверять?

— Каждый выживает, как может, лапушонок.

От этого нелепого прозвища внутри всё перевернулось. Тепло, колючее и нежное одновременно, разлилось по венам. Сердце начало биться быстрее, дыхание сделалось чуть неровным.

— Так зачем ты теперь... здесь?

— Ты интересная, — он произнёс это с какой-то нежиз-

данной мягкостью, нежностью. — Редко встречаешь людей с по-настоящему сильным нутром.

Я опустила голову, боясь, что он увидит, как пылают мои щёки. Что меня так тянуло к нему? Эта холодная отстранённость или то, что только рядом с ним я переставала чувствовать себя хрупким экспонатом в музее?

— Не хочешь болтать? Жаль.

— Хочу. Ты буквально только что говорил, что сближаться ни с кем не планируешь.

— Я разве это тебе сказал?

Его вопрос застал меня врасплох. А Ноа очень уж довольно улыбнулся. Мне вдруг стало душно, будто стены таверны сдвинулись. Меня быстро накрыл приступ кашля.

— Хочешь выйти на воздух?

— Да, — ответила я слишком быстро и тут же встала, стараясь придать голосу решительности.

Снаружи я глубоко вдохнула прохладный вечерний воздух, словно вынырнула из воды. Я не должна так себя вести. Не должна привязываться. Не должна надеяться. Я уеду. Он уедет. Мы живём в разных мирах, это тупик.

— Почему все так всполошились из-за моего отсутствия?

— спросил Ноа за спиной. Его голос был тихим, и от этого ещё сильнее стучало сердце.

— Мелиссе ты нравишься, как мог уже заметить... — я заставила себя обернуться. — А остальные... Не знаю, чисто по-человечески.

— Не уверен, что понимаю, что это значит, — ответил Ноа и кивнул в сторону улочек.

— Куда? Зачем?

— Мне не особо нравятся зрители.

Я огляделась вокруг, сразу натываясь взглядом на гвардейцев. Они были для меня привычными прохожими. Ноа вдруг поймал мою ладонь, подтягивая меня ближе к себе, и двинулся вперёд, в тени переулков.

— Я всегда жил обособленно. А тут прям... все так привязались.

— Это дружба, Ноа.

— Наверное, это должно быть грустно. Я тут не задержусь.

Не задержусь... Как и я. Я высвободила руку из его ладони и отшагнула в сторону, ощущая, как щёки снова загораются.

— Я не хочу к тебе привязываться.

— А обязательно привязываться?

— Это от меня не зависит.

Ноа остановился. Мы оба замолкли, не сводя друг с друга глаз. Внутри всё переворачивалось, а я сомневалась в словах, которые только что произнесла.

— Это будет тяжело... — выдохнул он, делая несколько шагов ближе, и мягко коснулся моей щеки. Я вздрогнула, но не отошла, от его прикосновения по всему телу прошла дрожь.

Вторая рука Ноа легла на мою талию, и он резко наклонился ко мне. Его губы коснулись моих, и всё вокруг исчез-

ло: шум города, запахи, свет. Был только он, его дыхание, тепло, сердце, стук которого совпадал с моим.

Я замерла на мгновение, сначала не понимая, как реагировать. Потом подалась вперёд, сливаясь с ним в поцелуе. Внутри всё запульсировало, словно яркая вспышка огня, пронизывая грудь, живот и спину. Я чувствовала, как каждый нерв напрягся и одновременно расслабился, как будто всё моё тело перестало быть моим и принадлежало этому мгновению.

Ноа держал меня крепко, уверенно, и это ощущение безопасности смешивалось с волнением и лёгким страхом. Я чувствовала его дыхание на губах, оно казалось одновременно горячим и успокаивающим.

Внезапно он мягко, но решительно отстранился, разорвав поцелуй. В груди осталась странная пустота, болезненная и сладкая.

Я открыла глаза, встречая его взгляд — затуманенный, полный тихой тоски, словно он не хотел прерывать этот момент.

Я чувствовала, как внутри меня всё ещё трепещет, будто оттого, что поцелуй оставил след, который не исчезнет так просто.

— Нам... не стоит больше этого повторять, — я нашла в себе силы отступить. Сердце колотилось где-то в горле.

Ноа неспешно выпустил меня из рук, он казался неожиданно встревоженным.

— Извини...

Нет, нельзя так... Нужно уйти, спрятаться, я принцесса, мне не позволено вести себя так. На глазах навернулись непрошенные слезы.

— Я пойду, — я развернулась и почти бегом бросилась прочь из переулка. Услышав за спиной его шаги, я сорвалась на крик: — Не смей идти за мной!

Глава 11. Ноа

Я стоял неподвижно, глядя вслед удаляющемуся силуэту Виолетты, и отчаянно пытался совладать с собой. В груди бушевал пожар, горло сдавливало невидимой петлёй, а пальцы мелко дрожали, будто я только что избежал смертельной опасности. Это не было физической болью, и осознание этого пугало сильнее всего. Я привык распознавать угрозу, привык к ранам, измождению и холоду, но это чувство не имело названия в моём мире.

Я не думал, что когда-нибудь смогу ощутить нечто подобное. Мне казалось, что всё моё существо вдруг распахнулось настежь, словно я слишком долго томился в тёмном подвале и внезапно оказался под палящим солнцем. Или, быть может, дело было не в мире, а во мне самом.

Её взгляд, её улыбка, тёплые ладони, хрупкое тело, дыхание — всё это будто вскрывало во мне слои, о существовании которых я даже не подозревал. Достаточно было просто видеть её, чтобы реальность вокруг становилась плотной, насыщенной и пугающе живой. Я поддался этому искушению, позволил волне захлестнуть себя, на мгновение забыв, кто я такой и почему не имею права на подобные слабости. В итоге она ушла. Сбежала. Наверняка почувствовала, что со мной что-то не так. Так же, как чувствуют некоторые люди — особенно восприимчивые ко всему сущему.

Вряд ли будет лучшим решением оставаться наедине с этим хаосом внутри. Мне требовалось отвлечься, вернуть контроль над разумом, пока я окончательно не потерял почву под ногами. Я развернулся и зашагал обратно в таверну.

— Ну и где вы пропадали? — первым подал голос Томас, едва я приблизился к столу. — Мы решили, что вы дезертировали.

— Ага, — подхватила Августина. — Виолетта испарилась, ты тоже. Что стряслось?

— Поругались? — Филипп прищурился.

— Или это было маленькое свидание? — усмехнулась Мелисса, но в её тоне прорезалась напряженная нотка.

Я не ответил ни на один вопрос. Просто молча взял со стола стакан, покрутил его в пальцах и сделал большой глоток. Алкоголь привычно обжёг горло, разлился теплом по телу, расслабляя мышцы и притупляя усталость. Обычно этого хватало, чтобы приглушить всё лишнее. Значит, должно было сработать и сейчас. Заглушить это странное, рвущее состояние и вернуть мне привычную пустоту.

Ко мне подседа Мелисса, оторвавшись от болтовни с Филиппом. Окинула меня недовольным, колючим взглядом, будто бы я был в чём-то виноват перед ней. Почти таким же взглядом на меня смотрел и Филипп, будто я нарушил какие-то негласные правила, о которых даже не знал.

— Чем она лучше меня? — выпалила Мелисса резко, с плохо скрываемой злостью. — Тем, что носит эти цацки?

Чем она отличается от других?.. Я сам не мог ответить на этот вопрос. Столько лет я не чувствовал вообще ничего, и даже крохотная искра эмоций казалась мне чудом. А рядом с ней всё становилось слишком настоящим. Она не была самой громкой, самой дерзкой, самой яркой. В ней не было напускной силы или показной независимости. Но её душа... Она казалась светлой, глубокой и цельной. И этого, похоже, было достаточно.

— Она чиста, — произнёс я после долгой паузы, не сводя глаз с мутной жидкости в стакане. Я отчаянно пытался заглушить бурю чувств и вернуть своё безопасное ничто.

— А мы тут, значит, грязь? — фыркнула Мелисса, выпрямившись.

Я посмотрел на неё внимательнее, чем когда-либо прежде. Миловидная, ухоженная, всегда знающая, кому и как улыбнуться. Но за этой внешней оболочкой скрывалась цепочка масок, которые она меняла в зависимости от ситуации: манипуляции, мелкая ложь, попытки возвыситься за счёт других, жажда внимания. Филипп был для неё удобным подтверждением собственной значимости, а моё равнодушие злило и задевало.

Я видел её ауру. Её энергия была яркой, но изорванной тёмными прожилками и багровыми пятнами, как треснувшее стекло. Такое нутро всегда оставляет след на судьбе.

— Твоя душа — шлак, — бросил я. — Как и у большинства здесь.

— Ты... ты хоть понимаешь, что несёшь? — прошептала она, бледнея.

— Ноа, ты в своём уме? — осторожно вставил Томас.

Я обвёл их взглядом. Филипп нахмурился, его кулаки сжались на столешнице. Августина замерла. Они смотрели на меня как на бешеного зверя, который внезапно оскалился на хозяев. Только сейчас я осознал, насколько беспощадно прозвучал мой голос.

— Ты спятил?! — взвизгнула Мелисса. — Кто ты вообще такой, чтобы так говорить?!

— Да, Ноа, это уже перебор, — Филипп поднялся, закрывая Мелиссу плечом. — Ты не имеешь права её унижать.

— Я просто сказал правду, — устало ответил я.

— Правду?! — Мелисса вскочила, её трясло от ярости.

— Хватит, — отрезал Филипп. — Извинись перед ней. Сейчас же.

Я поднялся вслед за ним. В груди снова закипало раздражение, вытесняя остатки хмеля.

— Мне не за что просить прощения, — тихо, но твёрдо произнёс я. — И мне здесь больше нечего делать.

— Скатертью дорожка, — бросила Мелисса. — Убирайся. Я не стал отвечать.

Прохладный ночной воздух ударил в лицо, и лишь тогда напряжение начало постепенно спадать. Возвращалось привычное хладнокровие, пустота, равнодушие — знакомое, отточенное годами состояние, в котором было безопасно су-

ществовать. В нем не было места сомнениям и той рвущей неразберихе, что случилась в переулке. И это лишь подтверждало: всё моё безумие, вся эта внезапная уязвимость были связаны исключительно с Виолеттой. Феноменально...

Следующие дни я провёл за переводом дневника ведьмы, почти не выходя из подвала. Страницы шуршали под пальцами, строки складывались в схемы и предостережения. Я нашёл немало полезного: описания способов контроля над демонами, тонкости работы с источниками энергии, упоминания скрытых библиотек и хранилищ, координаты давно забытых мест силы. Всё это могло пригодиться в будущем.

Но среди сотен заметок не нашлось ни строчки о том, как разобраться в себе.

С компанией, очевидно, было покончено. Я мог бы изобразить раскаяние и вернуть нейтралитет, но в этом не было смысла. Мой срок в Лиорене истекал через четыре недели. Территория вокруг с моим присутствием стала куда спокойнее, и я всерьёз сомневался, что в местных пещерах вообще остались активные твари. Работа была почти закончена.

Внутренних колебаний больше не было. Совсем. Я жил как отлаженный механизм: сон, еда, работа, рынок. Всё по кругу, без эмоций, без всплесков, без случайных мыслей. Иногда мне казалось, что я наблюдаю за собственной жизнью со стороны, будто кто-то другой управляет моими движениями, а я лишь следую заранее прописанному сценарию.

Очередной ночью я долго лежал, уставившись в потолок,

и прокручивал в голове обрывки мыслей и воспоминаний. Внутри был всё тот же штиль, ровный и холодный, но сон не приходил.

— Да к чёрту... — пробормотал я, скинув с себя старый плед.

Быстро обулся, проверил кинжалы, накинул куртку. Мне до боли, до зуда в костях хотелось снова ощутить то пугающее, живое состояние, которое она пробуждала в моих жилах.

Город тонул в сумраке. Редкие фонари отбрасывали жёлтые пятна света на мокрую брусчатку. По пути к дому Виолетты я встречал лишь редких гвардейцев на постах и старался держаться подальше, растворяясь в переулках и узких проходах.

Подобраться к особняку оказалось сложнее, чем я рассчитывал. Помимо охраны, его окружала магическая завеса, которую я почувствовал, приблизившись вплотную. Тонкое давление на восприятие, лёгкое покалывание в висках — верный признак защитного контура. Такая завеса почти всегда была связана с сигнализацией: колокольчиками, световыми вспышками, резонансными кристаллами. Малейшее вмешательство — и хозяева узнают о вторжении.

— Уро... — прошептал я.

Ответ пришёл почти сразу: слабый отклик, прохладная волна энергии, скользнувшая по руке. Змей проснулся и не возражал поделиться своей силой Пустоты. Его присутствие

сделало пространство вокруг чуть мягче, словно реальность сама позволила мне проскользнуть между слоями защиты. Завеса дрогнула, пропуская нас, и не подняла тревоги.

Территория особняка поражала своими размерами: длинные аллеи, ухоженные газоны, мраморные дорожки, фонтаны, едва различимые в темноте. Само здание возвышалось светлым массивом, украшенным резьбой и колоннами, с высокими окнами и балконами, будто вырезанное из лунного света.

Вскоре я блуждал по бесконечным коридорам. Высокие потолки, гобелены с изображениями старых битв, портреты предков в тяжёлых рамах, мягкие ковры, заглушающие шаги. В воздухе витал запах свечей, полированного дерева и дорогих благовоний. Здесь всё дышало богатством, историей и властью — мир, в котором она выросла и к которому я не имел отношения.

Найти комнату Виолетты не составило труда. Её аура вилась повсюду тонкой, светлой нитью, но вела в одно конкретное место и сама прокладывала мне путь.

Я замер у двери, прислушался и бесшумно проскользнул внутрь.

Комната была погружена в мягкий полумрак. Сквозь полупрозрачные занавески проникал лунный свет, ложась серебристыми полосами на пол, стены и край широкой кровати. Воздух здесь был другим — тёплым, спокойным, наполненным едва уловимым ароматом цветов и сладких масел.

Он напоминал о ней даже сильнее, чем её аура, словно всё пространство впитало её присутствие.

Виолетта спала.

Она лежала на боку, поджав ноги, и обнимала край подушки. Светлые волосы рассыпались по шелку мягкой волной, отдельные пряди падали на лицо, щекоча ресницы и щёку. Её дыхание было едва слышным, безмятежным. На лице не было ни тревоги, ни напряжения — только спокойствие и безмятежность, невозможные в этом мире.

Я застыл у порога, боялся разрушить эту хрупкую тишину неверным движением.

В груди что-то дрогнуло.

Это чувство снова накрыло меня внезапно. Оно разливалось внутри, вытесняя привычную пустоту, заполняя её чем-то новым и пугающим. Рядом с ней я будто становился другим. Не охотником. Не тенью. Не пустой оболочкой. Просто... человеком.

Я медленно подошёл ближе и опустил на край кровати, стараясь не издать ни звука.

Она не пошевелилась.

Я долго изучал её черты: линию губ, тонкий изгиб бровей, светлую кожу, на которой лунный свет оставлял мягкие блики. Даже во сне в ней не было ни капли фальши, ни тени притворства. Она была такой же настоящей, как днём, такой же открытой миру, будто не умела иначе.

И от этого становилось больно.

Как я вообще оказался рядом с ней? Как позволил себе коснуться её жизни? Как позволил себе почувствовать?

Моя рука невольно приподнялась, но я тут же остановил себя, замерев в нескольких сантиметрах от её щеки. Мне отчаянно хотелось прикоснуться, убедиться, что это не иллюзия, не игра сознания, не очередная ловушка разума. Но я не имел на это права. Я и так зашёл слишком далеко.

Я медленно опустил руку.

В голове крутились одни и те же мысли, сталкивались, пу-
тались, не находя выхода. Я не могу остаться. Не могу позво-
литель себе быть рядом. Не могу втянуть её в свою жизнь, в
свои тайны, в свои войны с тем, что скрывается в тени. Она
слишком светлая для этого мира, чтобы рядом с ней суще-
ствовало что-то подобное мне.

И всё же мысль о том, чтобы просто исчезнуть, резала из-
нутри.

Её день рождения приближался. Я знал это. Случайно
услышал, обрывком разговора, между делом, будто нечто
незначительное. Но мне эта дата почему-то врезалась в па-
мять.

Мой взгляд упал на прикроватную тумбу.

Там, на тёмной деревянной поверхности, аккуратно лежал
её кулон — тонкая цепочка с небольшим светлым камнем,
похожим на каплю застывшего света. Я видел его на ней по-
чти каждый день.

Я долго смотрел на украшение, колеблясь.

Это было неправильно.

Глупо.

Опасно.

Но мысль уже пустила корни.

Я поднялся, бесшумно подошёл к тумбе и осторожно взял кулон в пальцы. Металл был тёплым, словно хранил её прикосновения. Камень мягко засветился в лунном свете, отражая его, как живая искра.

Сделаю ей другой. Лучше. Защищённый. Такой, который сможет оберегать её. Такой, который будет не просто красивой безделушкой, а настоящим щитом.

Я в последний раз взглянул на неё, запоминая это мгновение тишины.

— Прости... — едва слышно прошептал я, сам не зная, за что именно извиняюсь.

Она не шелохнулась.

Я тихо отступил к двери, растворяясь в тенях, и так же бесшумно покинул комнату, унося с собой её кулон и странное, опасное чувство, которое уже невозможно было просто стереть.

Глава 12. Виолетта

Прошла уже неделя с того вечера в таверне, а Ноа так и не появился.

Ни на площади, ни у фонтана, ни на рынке. Он исчез, точно растворился в морском тумане. Поначалу я ловила себя на том, что лихорадочно ищу его в каждой толпе, всматриваюсь в лица прохожих и вздрагиваю, завидев похожий силуэт. Но день за днём надежда таяла, уступая место глупому, упрямому разочарованию.

С ребятами мы виделись почти ежедневно. Мы бродили по набережной, ели горячие лепёшки у уличных торговцев, иногда заходили в пекарню к Мелиссе, где всегда пахло ванилью и свежим хлебом. Всё было почти так же, как раньше, и всё же — не так. В компании будто образовалась незримая дыра, о которой никто не решался говорить, но каждый ощущал.

Мы сидели на лавке у старой часовни, когда Томас вдруг заговорил о том вечере.

Сначала он мялся, подбирая слова, но вскоре начал рассказывать взахлёб, возмущённо размахивая руками. Он пересказывал, как Ноа вспылел, как наговорил Мелиссе резких слов, как Филипп встал на её защиту, как между ними едва не дошло до драки, если бы не вмешались остальные. По словам Томаса, Ноа ушёл тогда холодным и чужим, будто

окончательно вычеркнул нас из своей жизни.

Мелисса слушала его, низко опустив голову. Лишь изредка она поджимала губы, будто сдерживала слёзы, и я понимала, что ей куда больнее, чем она пытается показать. Мне было неловко. Часть меня чувствовала смутную вину, хотя рассудок твердил: я не сделала ничего дурного. Но мысль, что он исчез именно после нашего поцелуя, жгла изнутри.

Вечером, накануне моего восемнадцатилетия, матушка вызвала меня к себе. Она сидела у окна в гостиной, перебирая деловые бумаги. В её осанке сквозила та особенная, ледяная сосредоточенность, которая всегда предшествовала большим событиям.

— Завтра мы будем праздновать в особняке, — сказала она, даже не поднимая взгляда. — Приедут представители нескольких знатных домов, старые друзья семьи, послы и советники. Всё должно быть безупречно.

Я молча кивнула, уже догадываясь, к чему она ведёт.

— Поэтому... — матушка наконец посмотрела на меня, — твоих городских друзей приглашать не стоит. Это неуместно. Они будут чувствовать себя не в своей тарелке, да и окружающие — тоже.

— Я понимаю, — ответила я тихо, хотя на самом деле не понимала. Или, скорее, не хотела понимать.

Матушка улыбнулась и ласково коснулась моей руки.

— Это важный рубеж для твоего будущего, Виолетта. Потерпи немного.

Я кивнула снова и вышла, чувствуя, как внутри медленно нарастает странная тоска.

Завтра мне исполнится восемнадцать.

Меня будут осыпать комплиментами и дорогими подарками, обсуждать мою «партию» и пользу для королевской крови. Но тех, с кем я чувствовала себя живой, рядом не будет.

На следующее утро я проснулась задолго до рассвета. В комнате царила тишина, лишь птицы лениво перекликались в саду. Некоторое время я лежала, глядя в потолок, и прислушивалась к собственному дыханию, будто надеясь, что вместе с новым днём во мне проснутся и новые силы, но ощущала лишь нарастающую тревогу.

Едва я поднялась с постели, в комнату одна за другой начали входить служанки, неся платья, ленты, коробочки с украшениями, флаконы с ароматными маслами. Меня усадили перед зеркалом, расправили волосы, начали расчёсывать и укладывать их, словно я была не живым человеком, а дорогой куклой, которую нужно подготовить к показу.

— Сегодня вы должны затмить всех, Ваше Высочество, — тихо сказала одна из девушек, закрепляя заколку с жемчугом. — Все будут в восторге.

Я слабо улыбнулась своему отражению. Из зеркала на меня смотрела красивая, нарядная девушка в светлом платье с тончайшей вышивкой, с аккуратной причёской и пустым взглядом. Только я знала, что внутри этой оболочки прячется растерянность.

К полудню особняк наполнился голосами. Во дворе закрипели кареты, у ворот выстроились гвардейцы, в холле зазвучали приветствия, смех, шелест дорогих тканей.

Матушка встретила меня в большой гостиной. Она была воплощением аристократизма: тёмное платье, фамильная брошь, безупречная маска спокойствия на лице.

— Держись рядом со мной, — тихо сказала она, поправляя складку на моём рукаве. — Сегодня ты — лицо нашего дома.

И мы вышли к гостям.

Поздравления лились бесконечным потоком.

— Восемнадцать лет — золотая пора, — вещал грузный мужчина с серебряным набалдашником трости. От него пахло дорогим табаком и какой-то застарелой, недоброй злостью. — Самое время подумать о серьёзных союзах.

— Такая утончённость, — вторила ему дама в перьях, оценивающе оглядывая меня с головы до ног. Она ощущалась как кислое киви — резкая, едкая и неприятная.

— Ваша дочь — истинное сокровище. — Мы возлагаем на вас большие надежды, Виолетта, — улыбался один из советников, решивших погостить в Лиорене. Глядя на него, я видела лишь пустоту, точно передо мной стоял манекен.

Я благодарила, улыбалась, склоняла голову, повторяла заученные фразы, чувствуя, как они сами срываются с губ.

Матушка всё время была рядом.

Она ловко направляла разговоры, вовремя вмешивалась,

мягко переводила темы, представляла меня «нужным» людям.

— Виолетта прекрасно разбирается в языках, — говорила она. — Мы пригласили для неё лучших наставников.

— У неё тонкий ум и редкая выдержка, — добавляла в другом разговоре. — Не каждая девушка в её возрасте так серьёзно относится к обязанностям.

Я слушала и понимала: обо мне говорят так, будто я уже не принадлежу себе.

Будто я — удачная инвестиция, ценный ресурс.

В какой-то момент рядом с нами оказался высокий мужчина в тёмном камзоле.

— Рад знакомству, — произнёс он, чуть склонив голову. — Мой сын много слышал о вас. Думаю, вам было бы интересно пообщаться поближе.

Матушка просияла.

— Мы как раз планировали это знакомство, — легко отозвалась она. Её пальцы незаметно, но больно сжали моё запястье: «Улыбайся».

— Буду рада, — послушно проронила я, хотя сердце сжалось.

Праздник тянулся вечность. Тосты, фальшивый смех, танцы, бесконечные разговоры о выгоде и политике. К вечеру я чувствовала себя выпотрошенной.

Когда последние гости отбыли, матушка повернулась ко мне с чувством выполненного долга.

— Ты была великолепна, — сказала она с удовлетворением. — Сегодня ты сделала очень важный шаг.

— Куда? — тихо спросила я.

Она удивленно приподняла бровь.

— Во взрослую жизнь, разумеется. В своё будущее. Ты должна понимать, Виолетта, у тебя особая роль. От твоих решений зависит очень многое.

Я опустила взгляд.

— А если я захочу чего-то другого?

— Захочешь со временем того же, что и все разумные люди: стабильности, уважения, положения. Ты ещё поймёшь.

Поздно вечером я наконец осталась одна в своей комнате. Сбросив тяжёлые украшения и распустив волосы, я села на кровать, глядя в темноту за окном.

Мне исполнилось восемнадцать.

Я — чья-то будущая жена, чей-то выгодный союз, чья-то надежда и расчёт.

Только вот никого не интересовало, чего хочу я сама.

И почему-то больше всего в этот момент мне хотелось, чтобы рядом оказался тот, кто однажды посмотрел на меня не как на ценность и возможность, а просто как на живого человека.

Внезапно занавеска у окна шелохнулась.

Я замерла, перестав дышать.

Окно было плотно закрыто, ни малейшего сквозняка, ни шороха с улицы. В груди всё сжалось, по спине пробежал

холодок, а в голове одна за другой закружились тревожные, мрачные мысли. Матушка не раз повторяла, что сюда невозможно пробраться незаметно, что охрана надёжна, что я в полной безопасности... и всё же кто-то был здесь.

Я уже открыла рот, чтобы позвать на помощь, когда из густой тени за тканью медленно выступила фигура.

— Ноа?... — выдохнула я, не сразу поверив собственным глазам. — Что ты тут делаешь?

Он выглядел уставшим и каким-то непривычно напряжённым, словно всё это время нёс на плечах тяжёлый груз и только сейчас позволил себе остановиться.

— Пришёл поздравить тебя, — тихо ответил он и осторожно сделал шаг вперёд, будто боялся меня спугнуть.

Сердце забилося где-то в горле, мешая дышать.

— Ты... ты с ума сошёл? — прошептала я, наконец обретая дар речи, и резко поднялась. — Тебя могут увидеть. Если тебя поймают...

Я оглянулась на дверь, словно ожидая, что она вот-вот распахнётся.

— Тебе нельзя здесь быть. Уходи. Немедленно!

— Я знаю, — спокойно сказал он. — Я всё просчитал. Меня никто не заметил.

— Это безумие, — прошептала я, чувствуя, как дрожат пальцы. Да кто он такой? — Ты подвергаешь себя опасности... и меня тоже.

— Мне было важно увидеть тебя, — ответил он после ко-

роткой паузы, глядя прямо мне в глаза. — Хотя бы на минуту.

От этих слов в груди что-то болезненно ёкнуло, но страх был сильнее.

— Уходи, Ноа, пожалуйста, — умоляюще сказала я. — Если матушка узнает...

— Она не узнает, — перебил он мягко. — Я не задержусь.

Он чуть наклонил голову, будто принимая решение, и добавил тише:

— Пойдём со мной.

— Куда? — я окончательно растерялась.

— К морю. Пляж примыкает к саду за западным крылом. Туда не ходят гвардейцы, дорожки скрыты деревьями, с окон ничего не видно. Нас там никто не увидит.

Я покачала головой.

— Ты сошёл с ума... Это опасно.

— Немного, — его губы тронула едва заметная усмешка. — Но безопаснее, чем если я останусь здесь.

Он протянул мне руку.

— Потом я уйду. Обещаю.

Я смотрела на его ладонь, чувствуя, как внутри борются страх, здравый смысл и то странное чувство, которое я так и не смогла в себе заглушить последнюю неделю.

Я глубоко вдохнула, пытаюсь привести мысли в порядок.

— Ты хоть понимаешь, как это глупо? — прошептала я, всё ещё медля.

— Понимаю, — так же тихо отозвался он. — Но всё равно прошу.

Колебания длились секунды, а потом я осторожно вложила ладонь в его пальцы. Они были горячими и сухими, и от этого прикосновения по телу прошла волна спокойствия.

— Только ненадолго, — предупредила я. — И если кто-то появится — мы сразу возвращаемся.

— Договорились.

Он слегка сжал мою руку и потянул за собой к окну. Мы бесшумно отодвинули створку, и в комнату ворвался прохладный ночной воздух, пахнувший морем и цветущим садом. Внизу, под балконом, густо росли кусты и раскидистые деревья, скрывающие землю в тени.

Юноша ловко спрыгнул первым и сразу протянул мне руки. Я, зажмурившись, сползла вниз, ощущая, как сердце уходит в пятки, и в следующий миг оказалась в его объятиях. Он удержал меня, не дав пошатнуться, и отпустил, когда убедился, что я стою уверенно.

Мы пересекли сад почти бегом, лавируя между живыми изгородями, пока впереди не блеснула узкая кромка песка и мерцающая в лунном свете вода. Море дышало прохладой, лениво перекачивая лунное серебро в волнах. Вокруг не было ни души — только мы и рокот прибоя.

Мы остановились только у самой кромки пляжа.

Я опустилась на песок, поджав ноги и обняв колени руками. Ноа сел рядом, глядя на море так, будто искал в нём

ответы на свои вопросы. Некоторое время мы молчали, слушая плеск волн и далёкий крик ночных птиц, и это молчание казалось удивительно правильным.

— С днём рождения, Виолетта, — наконец тихо произнес он.

Я повернулась к нему, чувствуя, как на губах сама собой расцветает улыбка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.